

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

1
2020

No 1

IJSHR

2020

EDITORIAL BOARD

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

E.P. Bazhanov,

doctor of historical sciences, professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

Е.П. Бажанов,

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(Российская Федерация)

I.S. Varchukov,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

И.С. Барчуков,

доктор педагогических наук, профес-
сор (Российская Федерация)

V.K. Baturin,

doctor of philosophical sciences,
candidate of pedagogical sciences
(Russian Federation)

В.К. Батурич,

доктор философских наук, кандидат
педагогических наук (Российская
Федерация)

V.Yu. Belsky,

doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

В.Ю. Бельский,

доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Yu.B. Borev,

doctor of philology, candidate of
philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

Ю.Б. Боров,

доктор филологических наук,
кандидат философских наук, профес-
сор (Российская Федерация)

V.N. Buzin,

candidate of sociology
(Russian Federation)

В.Н. Бузин,

кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

G.A. Vasilevich,

doctor of Law, professor
(Republic of Belarus)

Г.А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор
(Республика Беларусь)

R.B. Gandaloev,

candidate of political sciences
(Russian Federation)

Р.Б. Гандалоев,

кандидат политических наук
(Российская Федерация)

I.V.Groshev,

doctor of economic sciences, doctor of
psychologic sciences, Honored worker of
science of Russia, professor

И.В. Грошев,

доктор экономических наук, доктор
психологических наук Заслуженный
деятель науки РФ, профессор

D.I. Gryadovoy,

candidate of philosophical sciences,
associate professor (Russian Federation)

Д.И. Грядовой,

доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

D. S. Patelis,

Associate Professor of Philosophy
Technical University of Crete

Д. С. Пателис,

Доцент философии Технический уни-
верситет Крита

D.D. Dolidze,

doctor of medical sciences
(Russian Federation)

Д.Д. Долидзе,

доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

A.L. Zolkin,

doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

А.Л. Золкин,

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.A. Kazantseva,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

Л.А. Казанцева,

доктор педагогических наук, профес-
сор (Российская Федерация)

R. Kvarackheliya,

doctor of law
(Georgia)

Р. Кварацхелия,

доктор юридических наук
(Грузия)

A. Kiknadze,

doctor of politology
(Georgia)

А. Кикнадзе,

доктор политологии
(Грузия)

A.A. Laskin,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

А.А. Ласкин,

доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

A.A. Lebedeva,

doctor of philology
(Russian Federation)

А.А. Лебедева,

доктор филологических наук
(Российская Федерация)

V.A. Lepekhin,

doctor of philosophical science,
the director general of the EurAsEC
Institute (Russian Federation)

В.А. Лепехин,

кандидат философских наук
генеральный директор Института
ЕврАзЭС (Российская Федерация)

V.P. Majkova,

Bauman Moscow State technical University Doctor of Philosophical Science

В.П. Майкова,

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Мытищинский филиал), профессор кафедры педагогики, психологии, права, истории и философии, доктор философских наук, доцент

A.M. Martazanov,

Doctor of Philological Science, Professor, Rector of Ingush State University (Russian Federation)

A.M. Мартазанов,

доктор филологических наук, профессор, ректор Ингушского государственного университета (Российская Федерация)

L.A. Nikitich,

doctor of philosophical science, professor (Russian Federation)

Л.А. Никитич,

доктор философских наук, профессор (Российская Федерация)

L.M. Preygerman,

doctor of physical and mathematical sciences, professor (Israel)

Л.М. Прейгерман

доктор физико-математических наук, профессор (Израиль)

A.A. Rean,

doctor of pedagogical sciences, professor, honored worker of Science, corresponding member of RAO (Russian Federation)

А.А. Реан,

доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАО (Российская Федерация)

V.F. Rodin,

doctor of pedagogical sciences, professor (Russian Federation)

В.Ф. Родин,

доктор педагогических наук, профессор (Российская Федерация)

A.P. Sadokhin,

doctor of cultural sciences, candidate of philosophical sciences, professor (Russian Federation)

А.П. Садохин,

доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор (Российская Федерация)

L.G. Skulmovskaya,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Culture of the Khanty Mansiysk Autonomous Okrug, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Л.Г. Скульмовская,

доктор социологических наук, профессор, Заслуженный деятель культуры Ханты Мансийского автономного округа, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (Российская Федерация)

A.D. Ioseliani,

doctor of philosophical sciences, professor Financialm University under the Government of the Russian Federation

А.Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

A.M. Stolyarenko,

doctor of pedagogical sciences, doctor of psychology, professor, honored worker of Russian higher school (Russian Federation)

А.М. Столяренко,

доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Российская Федерация)

D.A. Skhirtladze,

doctor of medicine (USA)

Д.А. Схиртладзе,

доктор медицины (США)

L.N. Terman,

doctor of economic sciences, professor (Israel)

Л.Н. Терман,

доктор экономических наук, профессор (Израиль)

Z.T. Toshchenko,

doctor of philosophical sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of sciences (Russian Federation)

Ж.Т. Тошченко,

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН (Российская Федерация)

T.Y. Fhakadze,

doctor of medical sciences (Russian Federation)

Т.Я. Фхакадзе,

доктор медицинских наук (Российская Федерация)

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences, professor, Academician of the IASP (Republic of Kazakhstan)

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО (Республика Казахстан)

G.S. Chovydyrova,

doctor of medical sciences, doctor of psychology, professor (Russian Federation)

Г.С. Човдырова,

доктор медицинских наук, доктор психологических наук, профессор (Российская Федерация)

L. Sharvadze,

doctor of medicine (Georgia)

Л. Шарвадзе, доктор медицины

(Грузия)

A.A. Shirinyants,

doctor of political sciences, candidate of philosophical sciences, professor of faculty of political science of MGU (Russian Federation)

А.А. Ширинянц,

доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор факультета политологии МГУ (Российская Федерация)

N.Y. Shtrecker,

doctor of pedagogical sciences, candidate of philology, professor (Russian Federation)

Н.Ю. Штрекер,

доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, профессор (Российская Федерация)

N.D. Eriashvili,

candidate of historical sciences, candidate of law, doctor of economic sciences, professor (Russian Federation)

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор (Российская Федерация)

M. Yanich

University of Nish (Serbia) doctor of philosophical sciences

М. Янич,

Университет г. Ниш (Сербия), профессор философского факультета, доктор филологических наук

Registration certificate
433103973

Chief editor

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.D. Ioseliani,
doctor of philosophical sciences,
professor

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of economics,
professor, laureate of the Russian
Federation Government prize in
Science and Technology.

E-mail: professor60@mail.ru

Representations

in Russia:

V.N. Zakaidze
CEO of publishing house
«UNITY-DANA»

E-mail: unity@unity-dana.ru

Tel.: +7(499)195-90-36

1 Irina Levchenko,

Moscow, 123298

Tel./fax: +7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

Special correspondent

M.Ya. Nodia

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi, 0186,

Righteous Georgia

Tel./Fax: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

in USA:

D. Skhirtladze, MD, MPH

3565 Edencroft Road, Huntingdon

Valley, Pennsylvania

+12157605939

E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

L.N. Tepman,

doctor of economical sciences,

professor

3, Tze'Elim, Yokneam

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,

professor, academician of the IASP 30,

Gagarin str., Shymkent

Tel.: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Edition and external reviewers

don't bear responsibility for quality,

correctness and a correctness of

citing works by authors of articles.

Responsibility for quality, correctness

and a correctness of citing works are

born only by authors of the published
materials.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

CONTENTS 1 /2020

Titov P.B. Philosophical grounds for the formation of sports culture.....	5
Belsky V.Yu., Borovinskaya D.N. Social changes and traditions in modern society.....	9
Ioseliani A.D. Philosophical view of environmental safety in the global world.....	11
Nikolaeva N.V. Khavrak A.P. Patriotism – basis of the personality of the police officer	16
Belsky V.Yu., Zolkin A.L. Mechanistic theory of thinking in the philosophy of early Ludwig Wittgenstein: the worldview of the modern era and the formation of cognitive science	22
Polozova I.V. Personality in terms of metaphysics and axiology	28
Samoilov V.D. Consequences of the withdrawal of the ZGV the territory of GERMANY (GDR)	32
Popova T.V. The meaning and significance of television for modern Russian society (experience of understanding the results of the author's research of the TV audience).....	35
Molodkina L.V. Aesthetic and Ethical Meanings of an Orthodox Church	40
Belsky V.Yu., Marchenya P.P., Razin S.Yu. and others. Russian Constitutionalism: Theoretical Projects and Historical Realities Part 2: Problems of the Past	44

Свидетельство о регистрации
433103973

Главный редактор

В.Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

Научный редактор

А.В. Золкин,

доктор философских наук, профессор

Научный редактор

А.Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат

юридических наук, доктор

экономических наук, профессор,

лауреат премии Правительства РФ

в области науки и техники

E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

В.Н. Закаидзе

Генеральный директор издательства

«ЮНИТИ-ДАНА»

123298 Москва,

ул. Ирины Левченко, д. 1 Тел./факс:

+7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент

М.Я. Нодия

0177 Тбилиси,

пр. Александра Казбеги, д. 44,

Справедливая Грузия

Тел./факс: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

в США:

Д. Схиртладзе,

доктор медицины

штат Пенсильвания,

г. Хантингдон Вэли,

ул. Эденкрофт Роуд 3565

E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук, профессор

Йокнеам, ул. Цеелим, д. 8

E-mail: termn32@list.ru

в Республике Казахстан:

И.Т. Чарнев,

доктор педагогических наук, профессор,

академик МАНПО

г. Шемкент, ул. Гагарина, д. 30, кв. 57

Тел: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Отпечатано в цифровой типографии

ООО «Буки Веди»

на оборудовании Konica Minolta

105066, Москва, ул. Новорязанская,

д. 38, стр. 1, пом. IV

Заказ

Редакция и внешние рецензенты не несут ответственности за качество, правильность и корректность цитирования произведений авторами статей. Ответственность за качество, правильность и корректность цитирования произведений несут исключительно авторы опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru
www.niion.org

СОДЕРЖАНИЕ 1|2020

Титов П. Б. Философские основания формирования спортивной культуры.....	5
Бельский В.Ю., Боровинская Д.Н. Социальные изменения и традиции в современном обществе.....	9
Иоселиани А.Д. Философский взгляд на экологическую безопасность в глобальном мире.....	11
Николаева Н.В., Хаврак А.П. Патриотизм – духовная основа личности сотрудника ОВД.....	16
Бельский В.Ю., Золкин А.Л. Механистическая теория мышления в философии раннего Людвиг Витгенштейна: мировоззрение эпохи модерна и формирование когнитивной науки.....	22
Полозова И.В. Личность с точки зрения метафизики и аксиологии.....	28
Самойлов В.Д. Последствия вывода ЗГВ с территории ФРГ (ГДР).....	32
Попова Т.В. Смысл и значение телевидения для современного российского общества (опыт осмысления результатов авторского исследования телеаудитории).....	35
Молодкина Л.В. Эстетико-этические смыслы православного храма.....	40
Бельский В.Ю., Марченя П.П., Разин С.Ю. и другие. Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии. Часть 2: Проблемы прошлого.....	44

PHILOSOPHICAL GROUNDS FOR THE FORMATION OF SPORTS CULTURE

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Pavel Borisovich Titov,

Cand. Sc. Philosophy

Merited Coach of the Russian Federation

Open University of Humanities and Economics

E-mail: Ivan.podolny@yandex.ru

Павел Борисович Титов,

кандидат философских наук,

Заслуженный тренер РФ

Для цитирования: Титов П.Б. Философские основания формирования спортивной культуры.// Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020 Стр.5-8.

Annotation. The article deals with the philosophical problems of the emergence, formation and development of culture in the context of the world social crisis. Special attention is paid to the problems of the influence of culture on the modern development of sports. An attempt is made to analyze and systematize the concept of sports culture.

Keywords: culture, sport, social crisis, discourse, humanism, morality, value

Аннотация. В статье рассматриваются философские проблемы возникновения, становления и развития культуры в условиях мирового социального кризиса. Особое внимание уделено проблемам влияния культуры на современное развитие спорта. Предпринята попытка анализа и систематизации понятия спортивной культуры.

Ключевые слова: культура, спорт, социальный кризис, дискурс, гуманизм, мораль, ценность

Today, sports, like all social institutions, are going through hard times. The global economic crisis has made significant adjustments to this type of activity and self-realization. Modern scientists dealing with the problems of sports philosophy distinguish two essential areas: mass sports and professional sports.

The goals of the first area are to inculcate sports ethics, the culture of healthy lifestyle and useful leisure to a wide audience of amateur sportsmen. Professional sports are characterized by such features as a focus on high achievements, the athlete's commitment to the chosen practice even at the expense of their own health, setting records, and sports as the only professional orientation.

There are also more highly specialized areas of sports aimed at solving specific social problems within narrowly restricted age and physical audiences. These include youth sports, school sports, sports for people with disabilities, veterans' sports, sports for the elderly, etc.

The division of sports discourse into different areas does not occur spontaneously, but in accordance with generally accepted principles. The main feature of sports is the organization

of humane competitions in artificially created conditions with the use of symbolic borders and symbolic objects. This practice, fostered by centuries of the formation of sports discourse, gave rise to such a phenomenon as sports culture.

It should be noted that the emergence of sports culture is associated with the emergence of a stable positive attitude to sports in society, and sports culture itself is an integral part of the cultures of various peoples and nations.

In the first approximation, sports culture can be defined as a positive value attitude of social groups, individuals, and the whole society, to sports discourse, as well as activities that contribute to the spread and development of sports. Various functions, norms and components of sports practice are considered within the framework of sports culture as values that are important for an athlete. They can serve the individual as ideals, meanings, symbols, and patterns of behavior that regulate their social strategies outside of sports discourse.

It should be noted that the values of sport, such as maintaining mass health, promoting healthy lifestyle, spreading the principles of humane and mutually respectful competition,

and the possibility and need for strong moral and physiological mobilization have always been basic for sports culture.

However, recently there has been a powerful diffusion of cultural processes - the spread of values in the field of sports culture that have a political, economic, nationalistic, reactionary genesis. Sport is actively used as a successful method of demonstrating the superiority of certain social groups, teams, and states over others; in addition, the principles typical of show business are spread among the highest sports elite: the values of orientation to entertainment and personal enrichment. However, a characteristic feature of sports today is the active declaration of values of the first type. At the same time, it is impossible to exclude the second layer of values from the real agenda of the sports community.

It is necessary to consider in more detail all the segments of values of sports culture. In addition to the moral segment, it is easy to distinguish the pragmatic one, which is typical, first of all, for professional sports (athletic "stars" and the coaching elite), as well as the sphere of providing mass sports services (sports halls and fitness centers). In addition to the pragmatic side of sports, there is also an aggressive compensatory side.

It's no secret that for many people, sports are a way to safely release aggression. A problematic aspect of this area of sports culture is the generation of aggression among consumers of sports entertainment — fans and supporters. This audience is the most susceptible to nationalist, racist and other political provocations, often becoming the bearer of this negative ideology, casting a shadow on certain sports.

However, the most developed and widely spread system of values referring to sports is the humanistic one. In recent decades, the norm for which was the open political confrontation, sports have become one of the main "bastions" of humanism and a method of avoiding politics.

Sports humanism involves not only the availability and observance of all the above-described rituals and principles of sports competition, but also focusing on the development of mental, spiritual and physical qualities of the individual, promoting its holistic development, forming a culture of behavior, ethics, aesthetics and restraint in social relations. This culture is commonly referred to as a humanistically oriented sports culture or simply

a culture of sports humanism. Social markers of commitment to such a culture are understanding and adherence to the humanistic doctrine, its values and ideals, understanding the positive impact of sports on the lives of a wide range of people, a declaration and real commitment to the ideals of humanism and a negative attitude to the anti-values of humanistic sports culture and athletes, fans who adhere to these values.

It is also important to understand that a combination of humanistic and pragmatic value systems has developed at the present stage, while sports culture has been in its infancy for quite a long time and has changed its main guidelines several times. For example, in the age of antiquity, sports culture was inextricably linked with pagan religious rites.

The main principle of sports and humanistic culture, from which the rest of the guidelines of behavior and evaluation follow, is a set of so-called "fair play" principles. The translation of this expression from English to Russian is ambiguous. The "Play" is the "play", but "fair" can be translated as "just" and "honest", but it can also mean beauty and pleasure. In French, the word "fair" defines an athlete's actions that are primarily elegant, do not question the result, and designate an athlete who prefers to participate in a competition for the sake of the fact of participation. Thus, it is quite difficult to find a synonym for the word "fair" in Russian, and the expression "fair play" is usually borrowed in transcription and without using synonymous constructions.

The concept of "fair play" is used most often to define a number of moral, ethical and spiritual principles that accompany the conduct of sports events and the preparation of athletes for sports competitions.

It is the behavior in accordance with these guidelines that the athletes themselves and their coaches should look up to, and spectators of sports events should expect competition that takes place using the principles of "fair play" and delegitimize other principles of fighting on sports grounds. In itself, the principles of "fair play" can most accurately be described as an adaptation and concretization of general humanistic canons in relation to competitive practices and to sports in general.

The principles of fair play are detailed in the "Manifesto for Fair Play" published in 1977 by the International Council of Sport Science

and Physical Education in collaboration with UNESCO. The main thesis of the document is the regulation on the priority of the behavior of the athletes themselves.

The game, which involves the athlete adhering to the tenets of “fair play” should by all possible expressive ways underscore the personal characteristics of the athlete: integrity, honesty, dignity, determination, respect for the partner, regardless of the balance of power, conclusive results, and results of judgment, the attitude to the opponent as a partner in the game allowing to evaluate and objectively reach the highest results in a particular sports discipline. We should also note the need to respect the judges, their decisions, and their willingness to cooperate with the judge, regardless of their subjective assessments of his/her work and the game as a whole.

Also, the principles of “fair play” include the mandatory ability to accept defeat with dignity, be prepared for unexpected failures on the sports field, the ability to be modest after a victory, and avoid the opportunities provided by fame and popularity among their admirers. However, the principles of “fair play” do not apply only to athletes (although they are first of all; the behavior of athletes, of course, is a guarantee of the existence of sports humanism as such), but also to the coaches who must prepare athletes to participate in competitions based solely on fair competition, as well as on the heads of sports organizations, spectators, and, in general, on everyone who is directly related to the sport.

All these principles have been repeatedly confirmed by the international community. In particular, they were repeated, supplemented and specified in the new text of the Manifesto, which was adopted at the meeting of the International Fair Play Committee in 1992. In addition, the principles of fair play are enshrined in the International Code of Sports Ethics.

Modern cultural and socio-philosophical understanding of sport is unthinkable without a new agenda of sports discourse related to the processes of globalization and internal contradictory processes in the world of sport. The latter include the problem of doping and the problem of negative externalities of the idea of competition.

It is particularly necessary to focus on the cultural and aesthetic dimension of sports activities. The fashion for sportization of

life, which arose at the peak of the popularity of the Olympic Games, made sports-type competition the leitmotif of any activity, in many ways turning the life of modern people into a meaningless race for supremacy in everything. In addition to mass psychological trauma, this phenomenon has led to a total revision of the attitude of individuals to their own physicality.

Promotion of physical training carried to the masses the idea of the need to get rid of body defects (the criteria for which were determined by the standard – the athletic physique of athletes). The result of this propaganda was the emergence and spread of a culture of hypertrophied concern for physicality expressed in the practices of “bodybuilding” (of “culturisme” in French), during which people were invited to compete in the construction of bodies, and the unnatural desire for superiority provided, in turn, the gap between the body of a bodybuilder and the reference body of an “average” Olympic athlete.

At the same time, it is the bodybuilders who have adopted the right to be called models of physical and bodily success. That being said, the social appeal and successful image of this kind of practice is provided by the clearly emphasized publicity, the collective nature of actions and the planned ceremony of elite approval.

Also, the “reverse side of the coin” of the idea of competition was the problem of doping, which became a variation of the dilemma about the goal and the acceptable means.

Achieving the maximum result in the shortest period of time (what doping offers to an athlete) is quite consistent with the goals and values of an athlete’s life. Restrictions imposed by the IOC and sports federations do not carry an ethical burden for many athletes.

All this, as well as a whole range of other issues related to sports, should be taken into account in an up-to-date and competent analysis. For a long time, these problems were out of the view of scientists.

This situation was typical, for example, for the analysis of those forms of physical activity and physicality that were most often referred to by the term “physical culture”. Scientists considered them in various aspects: pedagogical, psychological, physiological, etc., but not in cultural studies, although the term “physical culture” was used and the corresponding concept was introduced.

They were used to identify certain forms of physical activity and bodily activity that occupy an important place in the world of culture - but only as an object

of research. The specific subject that is typical for cultural research was not highlighted.

As for philosophers, sociologists and other scientists who were specially engaged in carrying out cultural research, developing a general theory of culture, they also for a long time avoided the physical activity of a person and his/her physicality.

The basis for this was the idea that the human body, especially its morphophysiology and motor skills – in contrast to the mental, moral, aesthetic and other phenomena of the spiritual world of humans, which have a pronounced social character – are allegedly in the sphere of “pure” biology.

Important cultural problems also arise when you analyze the self-identification of sports: whether it belongs to the world of cultural phenomena; what specific cultural values are formed in the field of sports, in what relation they are with other cultural values; is there any cultural value of high-level sports, international and Olympic sports; what opportunities are enclosed in sports to influence the spiritual (moral, aesthetic, intellectual) culture of a person; to what extent these opportunities are realized at different stages of social development, etc.

Today, sports are used in almost all cultures as one of the main areas in mass education for training the general development, symbiotic connection of physical and intellectual abilities, and education of readiness for moral mobilization.

The focus of sports discourse on creating and improving forms of movement determines its connection with many other forms of plastic

action that are characteristic of other spheres. In particular, a large number of expressive forms are borrowed from sports by the modern art.

Over the years of symbiotic existence of discourses of sport and art, special forms of activity have developed that combine the features of both prototypes. These are, for example, circus activities, ice shows, modern ballet, dance and gymnastic flash mobs, etc.

It is important to note that one of the types of sports culture of an individual that has become widespread today is the pragmatic model.

At the same time, its increasing popularity is rather a manifestation of the crisis of the society's sports culture.

The pragmatic sports culture is based on utilitarian values – the priority of achieving results through any legitimate or illegitimate methods, as well as the focus on obtaining financial profit from their own sports activities. Such a model of sports culture of an individual is now common for professional athletes, but recently, with the development of the sports services market, it is becoming widespread among amateurs.

Thus, sports are a complex social system that can simultaneously be described as autonomous, but at the same time, integrated into modern society and closely interacting with it.

As already mentioned above, the main feature of sports is the organization of humane competitions in artificially created conditions with the use of symbolic borders and symbolic objects. This practice, fostered by centuries of the formation of sports discourse, has given rise to such a phenomenon as sports culture.

**SOCIAL CHANGES AND TRADITIONS IN MODERN SOCIETY
СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Vitaliy Yurievich Belsky,

doctor of Philosophy, Professor, professor of the Department of Philosophy
Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Daria Nikolaevna Borovinskaya,

Ph.D in philosophy, docent of the Department of social and humanitarian education
of Surgut State Pedagogical University

E-mail: sweetharddk@mail.ru

Виталий Юрьевич Бельский,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикота

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Дарья Николаевна Боровинская,

Кандидат философских наук, доцент кафедры
Социально-гуманитарного образования Сургутского государственного
педагогического университета

E-mail: sweetharddk@mail.ru

Для цитирования: В. Ю. Бельский, Д.Н. Боровинская. Социальные изменения и традиции в современном обществе. // Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020, Стр. 9-10.

The basis for social stability is comprised from consideration and prediction of social changes. An essential feature of the modern era is the unprecedented acceleration of social time.

The establishment at the turn of the 80 – 90-ies of the twentieth century of the empirically proven correlation between the biological and social rhythms of human civilization development on a planetary scale, which received the name "the Law of time" in the segment of scientific and popular information, allows to assert with a sufficient degree of confidence that while the frequency of biological time of human development is a constant, on the contrary, the frequency of social time is constantly growing, and the rates of this growth become unprecedented, stunning character.

It is no longer a secret to both Western, and Russian scientists, engaged in social forecasting, the undeniable fact, that in the foreseeable historical past for thousands of years the pace of development of social time have been significantly lagged behind the pace of development of biological time. Not only Western, but also Russian scientists were engaged in this problem.

Whole generations were born and went into oblivion under the domination of the same economic structure, the same type of social structure and the same sociocultural normative dominants.

The situation began to change qualitatively at the turn of XVII – XVIII centuries of the second Millennium of our era according to the Gregorian chronology, when at first slowly, and then faster, faster and faster the pace of social time began to catch up with the pace of development of biological time.

This process, associated in modern philosophical thought with the idea of a global civilizational transition from traditional society to modern society, was

consistently marked by three scientific and technical revolutions, qualitatively changed the whole system of traditional human culture, and five successive chronological technological structures, symbolizing not only the achieved heights of civilizational development, but also simultaneously arising in parallel to the achievements, problems and costs of this process.

It is not surprising that by the time of transition to the sixth technological order, which began around the turn of 2010, social time at the pace of its development has left biological time far behind, and the way to improve the external conditions of its life, which mankind used to pass over the centuries, and even millennia, became equal to few years, and the dynamics of the evolution of views, values, knowledge and ideas, which were previously axiological dominants throughout the life of entire generations, began to exceed the ability of mankind to a conscious and qualitative understanding of the content and consequences of the changes.

The problem is that against the background of qualitative changes in the sphere of external social existence, the biological nature of man remained unchanged. Any kind of superpowers, which the sophisticated mind of science fiction writers endowed the man of the future (it is enough to remember the heroes of the "Andromeda Nebula" and "Ox Hour" by Ivan Efremov), in the conditions of the rapid onset of this very future in reality turned out to be nothing more than good wishes, and even the efforts of individual advanced individuals to self-improvement granted to them by nature of personality, yet do not lead to the same stunning results, which can be observed on the example of the development of technosphere artificially produced by man.

Meanwhile, the rapid development of new technologies in virtually all spheres of modern

society and the increasingly accelerating pace of social time, objectively created a request for a completely new type of inherent moral and business talents and qualities. In fashion came the request for creativity – a fashionable term borrowed from the Anglo-American psychological thought of the second half of the 40s of the twentieth century, implying the presence of the individual's ability to generate unusual ideas, deviate from traditional thinking patterns and quickly solve the problems facing him.

If in traditional society the basis of socialization was the assimilation of classical patterns of life, allowing, in fact, to put an equal sign between the process of socialization and the rite of initialization in primitive society, when a mature person could consider himself only the one who has learned the wisdom and experience of ancestors and thus inherited the combined power of previous generations, in a society of developed modern socialization can last a lifetime, because the logic of social behavior is based on the fact that no dedication, given once and for all, there can not be: in the conditions of rapid development of social time, a person constantly has to act in a completely new environment, hence either he constantly works on himself, or sooner or later finds himself in the dustbin of history.

However, creativity, no matter how good it is in itself, has its downside. First, moral relativism. "Effective management", which today is very often associated with creativity, is, in fact, the embodiment of social Darwinism and social Machiavellianism, when the proclaimed goal is designed to understand and approve a narrow circle of equally "advanced" individuals, and the means used to achieve it clearly dissonant with the concepts of humanity, love of neighbor and even elementary decency in human relations with each other.

The origin of this contradiction between creativity and traditional morality is shown convincingly in the feature film "Belorussky Vokzal" on the example of the conflict between one of the characters of the film – accountant Dubinsky – and his young leader, who considers his subordinate to be retrograde for the reason that he opposes his desire to obtain an effective result at any cost moral principles based on respect for the observance of even if something outdated, but continuing to act instructions.

Another significant malady of creativity is superficiality. "Kreakl" - this term today is generally called those who are trying to present creativity as a strategy of their social success - can shovel mountains of information, monitor quickly a variety of media sources, but at the same time remain conceptually weak and worldly narrow-minded person, which makes kreaklov a convenient material for all sorts of manipulation of those forces that substantially form the media agenda.

Hence, recently, the periodically manifested to ideologically clash between traditional and creative in the process of education and training take place: to manage labile, but worldview immature and morally flawed people easier if the purpose of management –

not the common good, and self-serving interest.

The technology of so-called "start-UPS" is closely related to the surface, when the implemented by kreakl project is developing just as much as it acquires commercial content and can be sold as a commodity, then kreakl loses any interest and starts implementing the new, often having nothing to do with the previous project. It is not surprising that for this reason, many startups turn out to be "soap bubbles" and are used for personal, sometimes illegal profit, without bringing any significant public benefit.

In this case it is logically and justified to make a conclusion that the key to the sustainability of the rapidly changing modern society is not to oppose the creativity of tradition, because exactly through the tradition the relationship of times between themselves and the transfer of the civilizational experience from generation to generation is carried out.

It is not the opposition, but the complementarity of traditions with creativity that should be chosen as a vector for the implementation of modern educational and training strategies. Only in reliance on traditions, multiplied by the practical ability of their creative rethinking, taking into account the realities, needs and challenges of the current agenda, is it possible for humanity to move from the state of crisis and chaos in which it now resides everywhere to a state of progressive development for the benefit of society as a whole and each individual. It is necessary to unite the efforts of scientists from different scientific schools from different countries to solve this problem.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. // Д. Белл. под ред. В. Л. Иноземцева. – М: Academia, 1999. 956 с; Лэндри Ч. Креативный город. пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2006. 399 с; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М., 1968. Т. 46, ч. 1. 560 с; Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. пер. с англ. М., 2005. 421 с.
2. Бельский В.Ю. Гуманизация корпоративного управления и актуальность управления мотивациями в современной России // Вестник «МИРБИС» 2018. № 4, С.21-26; Боровинская Д. Н. Эволюция современного представления о креативности. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т 5. № 6А. С. 114-123;
3. Боровинская Д. Н. Зарубежный опыт исследований креативности в XX веке. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 42-47; Карлова О. А., Черкашин Е. Ю., Карлов И. А. Креатив как научная проблема современного общества. // Креативная лаборатория: диалог творческих практик. – М., 2009. С. 7-26.

**PHILOSOPHICAL VIEW OF ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE GLOBAL WORLD
ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**

Aza Davidovna Ioseliani,
Doctor of Philosophy, Professor Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: aza-i@yandex.ru

Аза Давидовна Иоселиани,
доктор философских наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Для цитирования: А.Д. Иоселиани. Философский взгляд на экологическую безопасность в глобальном мире. // Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020 Стр.11-15.

Рецензент: доктор философских наук, профессор Деникин А.В.

Annotation. The article is devoted to the conceptual core of civilization's comprehension. This core is formed by the concepts of ecology, humanism and safety. Special attention is paid to the issue of humanist attitude to the world that lead to establishing new paradigms and maintaining fragile balance of the anthropo-socio-techno-natural complex. The author of the article reasons the idea of that modern versions of humanism are related to the establishment of environmental thinking, improvement of environmental education and enhancement of environmental safety. The paper analyzes forces and determinants affecting environmental safety. Finally, it is concluded that, firstly, conceptual core of new civilization's consciousness is altered. Secondly, ecology acts as a new form of humanism. The point of humanism intensity had moved from human to the alive space. And thirdly, indefinite existence of civilization is given by the collision of the natural and the artificial in the human habitat. Environmental safety should define the priorities of environmental policy, develop precise principles, means and methods to ensure environmental safety and sustainable development through the analysis and study of all the determinants that allow to predict the future of environmental development and form a new environmental worldview.

Keywords: man-made world, ecology, environmental safety, environmental demand, humanism, nature

Аннотация. Статья посвящена концептуальному ядру осмысления цивилизации. Это ядро образуют понятия экологии, гуманизма и безопасности. Особое внимание уделяется проблеме гуманного отношения к миру, ведущего к новым парадигмам и сохранению хрупкого баланса антропо-социо-техно-природного комплекса. Автор статьи аргументирует идею о том, что современные версии гуманизма связаны с экологией, с формированием экологического мышления, совершенствованием экологического образования и усилением экологической безопасности. В работе анализируются факторы и детерминанты, влияющие на экологическую безопасность. Наконец, делается вывод, что, во-первых, концептуальное ядро сознания новой цивилизации изменено. Во-вторых, экология выступает как новая форма гуманизма. Точка интенсивности гуманизма перешла от человека к живому пространству. И в-третьих, неопределенное существование цивилизации обусловлено столкновением естественного и искусственного в человеческой среде обитания. Экологическая безопасность должна определять приоритеты экологической политики, разрабатывать четкие принципы, средства и методы для обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития посредством анализа и изучения всех детерминант, которые позволяют прогнозировать будущее развития окружающей среды и формировать новое экологическое мировоззрение.

Ключевые слова: техногенный мир, экология, экологическая безопасность, экологический императив, гуманизм, природа

Introduction

The basis collision of the man-made society and environment interaction consists in an imbalance between human needs and environmental capabilities of the biosphere. This circumstance makes it important to answer the question concerning the priorities of social development: the escalation of needs that ultimately leaves in doubt maintaining the conditions for human existence. Appropriate self-restriction would contribute to further progress and, at the same time, wouldn't violate the fragile balance of the anthropo-techno-

sociological complex operation. The principal path of further human development should act as a principle of compliance between natural and social; and human activity should be dictated by environmental demand, education, and also safety.

The environmental area has found to be disintegrated by science and engineering, that is the habitat of a modern human. Within it the human lives, thinks, feels and gets an experience. The latest technological structures have become a thorn for human instead of being a part of a whole living body. Therefore, to form

a new conceptual paradigm that requires a sober, more humane approach to nature is necessary to human. Nature is a complex body, and a human should interact with it in such a way that not to cause an imbalance between consumption and remediation of the environment, but to forge more functional relations with nature.

At all stages of engineering and technology evolution there is a phenomenon entitled an “alienation”. It denotes a human status in the man-made world [Ioseliani, 2018; 161-169]. The philosophical concept of “alienation” is multidimensional. It covers the world of phenomena: human’s break with nature, human’s isolation from other people, detachment of individuals from the results of their labor, society, property, social and political institutions.

Scientific and technological progress (NTP) has increased manifold human capabilities in respect of natural development. However, enormous-scale transformation of human activity led to anthropogenic impact on nature. The latter is comparable with the largest natural disasters and is fraught with irreversible consequences, such as annual extinction of dozens species of plants and animals (neither wildlife sanctuaries nor artificial breeding can seize this process); the forestland is reduced due to cutting, soil alkalization and waste landfilling; desert area is increased, and water reservoirs are polluted (annually million tons of oil is spread over the ocean surface); oxygen volume is decreased, and total composition of the atmosphere is deteriorated (emissions of ashes, hydrogens, coal, sulfur dioxide, etc.). As estimated by scientists, if other countries equal their industrial level with one of the United States, then the ecosystem won’t withstand the load.

Thus, the question “Whether a human will ruin the planet?” becomes very topical. The answers to this question divide roughly the whole humanity in two groups: one with optimistic view (people believe that scientific and technological progress will solve all the issues) and another with pessimistic one. In addition, it is remarkably that environmental movements are keep on growing (for example, the Green movement has been constantly expanding). Organizations and committees carrying out environmental protection programs has been established [Karako, 2016].

A human is a part of nature, but there are some differences in understanding of what way

relations between human and natural world should be built. In the first situation, people recognize primacy and power of nature. In the second one, people claim the status of Apex of creation and the fact that the world is an instrument and an object to satisfy human needs. And according to the third one, people acknowledge the fact that human is one of the examples of living matter having superhuman absolute meaning. It is very harmonious combination with the Eastern religions (Buddhism, Taoism, Hinduism, Confucianism) based on the harmony of human and nature.

Also, as noted by Chumakov A. N.: “Western (man-made) pattern of cultural and civilizational development is featured by the intention to possess natural power and wealth... The East, on the contrary, is associated with the continuity of culture and tendency of non-interference in natural processes. Here the collectivist principle is traditionally prevailing, while in the West - an individual one; therefore, a human in the East is more oriented to adaptation, than to transformation that is typical for the Western mindset” [Chumakov, 2015; 35-47].

As regards the modern versions of humanism establishing environmental thinking, in the European mindset they are dated back to the late 19th century. And only by the end of the 20th century the idea of safe environment as a form of civilizational self-determination was ultimately acknowledged.

The environmental approach is defined by a new type of thinking, the so-called “monistic thinking”. It is born owing to system studies and methodology of systemic approach. A new type of thinking is based on the fact that the object of study is taken in an entire haecceity as a hierarchical system.

Present approach proved to be leading-edge in cognitive psychology and allied disciplines, such as linguistics, artificial intelligence, symbolic logic, epistemology, and also in other disciplines studying cognitive processes. That is, the chain reaction began and led to appearance of interdisciplinary programs studying thinking and cognition (epistemological, cognitive and psychological).

Topic of environmental safety is highlighted in the papers by foreign scholars and researchers, such as [Joonas et al., 2019; 973-980], [Lee, 2019; 394-401], [Li, et al., 2018; 541-550], [Wahid et al., 2018; 314-321], [Renton et al., 2018].

In studies of thinking an environmental approach is based on theory-cognitive foundations.

The old paradigms of thinking have outlived themselves. Some premises contained in the traditional versions turned out to be limited. Namely:

- isolation of thinking from other conscious experience,
- mental functions and properties were studied in terms of an object that they defined, while the subject had been left behind analysis,
- the issues of thinking were out of practice, communication, history and culture.

To overcome the above-mentioned disadvantages, it is necessary to state the issue of thinking at interdisciplinary junction points of philosophical and special theoretical approaches. Focus on the specification of subjective and objective grounds of thinking is typical for the strategy of studying at the interdisciplinary level.

The Environmental approach suggests that the essence of thinking is natural (i.e., related with nature); it is the result of biological and social development, phylo- and ontogenesis.

The environmental approach has a progressive nature. It is directed against reductionism (physiological, mechanistic, informational, biological, social). At the same time, this direction is limited, since it is based on the positivist-analytical and cultural tradition in philosophy [Mamedov, 2016; 4-5].

Environmental approach is defined by philosophical reductionism. It leads to a decrease in its efficient application that is related to disadvantages of the system methodology. However, it is possible to alleviate them through a synergetic approach. The time demands to alter human thinking in accordance with the development of the self-organization theory.

In terms of civilizational development there is a need to reveal the relationship between the development of humanitarian and industrial intelligence; to ensure the maintenance of technohumanitarian balance law that depends on the capacity of production technologies. The higher it is, the more advanced the means to affect the environment, and less competition in the struggle for human survival.

As Nazaretyan A. P. notes, “a planetary civilization that has possessed an enormous technological capacity is able to avoid self-destruction, only then people manage to improve

in time the system of basic values, rules and mechanisms of self-organization in accordance with modern demands of history”. Nazaretyan A. P. sees this opportunity in a wider use of electronic networks “that liberate human contacts from spatial dependencies.” [Nazaretyan, 1997; 96]

Let us review a number of features of a new world attitude leading to establishment of new paradigms of thinking.

Firstly, attitude to the nature suffers changes. Nature is no longer considered as a treasure-house satisfying human needs.

Secondly, the attitude to human and his morals is also changing – what extent it meets the needs of modern times;

Thirdly, humanity is globalizing; in addition, the value and interdependence of several regions and countries is increasing, basis of the policy is the priority of universal values, violence is renounced;

Fourthly, there is no opposition of object and subject.

In the opinion of Peccei A. (the founder of the Rome Club), the environmental understanding of humanism should have three basic principles: love of justice, intolerance of violence and sense of globality. [Peccei, 2018]

Today, humanism is not an abstract ethical notion, i.e., no matter what idea is put therein by the human. This notion reflects the results of advanced scientific research on potential death of mankind, or rather, scientific research to prevent this disaster. The content of the “humanism” is defined through investigating two capacities: human-space and human-society.

The aim of personal humanization is to establish person-society harmony and also nature-person one. This process is not confined only to socialization, since if humanization contributes to progress, then socialization is sometimes the dominant of personal destruction. Humanization can lead to a safe world, but socialization - to risks. The level of perfect humanization depends on the extent of relationship openness to qualitative changes and whether they are a premise to further development.

Certainly, society plays a significant role in developing human consciousness.

In the 20th century a notion of “humanistics” emerged. It is a new way to cognize the living and achieve an understanding of the world through the understanding of human. Then the way of

knowing is an empathy, i.e. a human is identified with a living being, and sees the world through the eyes of this one. Able to feel for another being, a human gets the opportunity to understand the animate nature of living beings. And there is no logical reason to it [Oleskin, 1992].

In the late 20th century the understanding of humanism was detailed in terms of “dialogue”, “non-violence” and “education”.

The modern philosophy of postmodernism has identified the issues of unconditional environmental requirements of globalization and their contradiction; issues of environmental homogeneity of the world caused by cultural fragmentation; issues of microecology, environmental fundamentalism (which was contributed by the Green movement) and ecological expertocracy.

Ultimately, a new civilization consciousness as a modern form of environmental consciousness and humanism changes the main conceptual core, where the point of intensity is not a human, but an alive space. A certain uncertainty and fragility of civilizational existence is explained by the collision of the natural and the artificial in the human habitat.

The issue of new humanism is genetically related to environmental safety. Environmental humanism and environmental safety are in relations of interdependence and determination.

Environmental crisis with multiple signs pointing at general destabilization of the planet's ecosystem is a civilizational one by its nature, typical reasons and essence.

A specific nature of philosophical analysis of safety issues consists in that safety is analyzed as a phenomenon common to a certain system, as a result of the activity of political entities, states; and a process of activities aimed at achieving the purposes to ensure safety of human, society and the state is studied through logical generalization of specific facts.

The core of philosophical issues of environmental safety lies in the scientific solution, analysis of the key forces affecting environmental safety, consideration of present and possible environmental threats to human life, health, their interests, needs, goals, ideals and rights, and the modern nature of signs and possible transformations of environmental threats and dangers.

The issues of environmental safety become escalated with the development of industry,

technology, transport, infrastructure facilities, continuously increasing anthropogenic impact on nature and natural ecosystems. The current state of environmental safety throughout the world raises great concerns: all living beings, including people are under threat of extinction; scope of environmental and technological disasters keeps on growing, globalization-caused danger of environmental terrorism has developed; new types of danger are arising (also at the genetic level); tendencies of degradation of living beings and loss of biological diversity are deepening. Nature doesn't manage to self-restore under increasing anthropogenic pressure and consumption.

Environmental safety covers development paths that determine priorities of environmental policy, develop principles, standards, means and methods to ensure environmental safety, stability and sustainable development.

Environmental safety is a part of an integrated multi-level social, technical and natural system. The development of environmental safety takes place due to objective processes (under the influence of various forces, such as external and internal, political and economic, climatic and natural, environmental and technological). These forces, in turn, are also influenced by the environment, the developmental level of civilization, etc.

If the term “force” is understood as a determinant and a cause of a process, then forces ensuring environmental safety from threats caused by human pressure on the environment should include those phenomena of social life, as well as those objective and subjective processes that induce the security of vital interests of state, society and human.

In modern conditions of the civilizational development, it's possible for facts of social life to arise (or to be created) that together with the elimination or decrease of the negative impact of adverse forces on environmental safety may have a beneficial effect on environmental protection or at least allow for a wider use of current forces of this type. In this vein, it is necessary to note the determinants, such as demographic, social, cultural and psychological ones.

Thus, we are talking about determination of the process to ensure environmental safety, analysis of subjective and objective, negative and positive natural, technological and social forces affecting this process. In addition, most

of them are interdependent; they are often overlapped, when having an integrated impact on environmental safety. However, several forces may influence indirectly and not subject to direct observation and analysis. These situations complicate developing the methods to cement environmental safety and take necessary decisions at local, regional, economic, political and other levels.

Conclusions

In conclusion, let's make several assertions:

Firstly, a new civilizational consciousness changes its conceptual core. Secondly, ecology acts as a new form of humanism. The point of humanism intensity had moved from human to alive space. And, thirdly, indefinite existence of a civilization is given by the collision of the natural and artificial in the human habitat.

Environmental safety should define the priorities of environmental policy, develop precise principles, means and methods to ensure environmental safety and sustainable development through the analysis and study of all the determinants that allow to predict the future of environmental development and form a new environmental worldview.

References

1. **Ioseliani A.D.** Anthropology of the man-made world. Perm: Anonymous Non-Profit Organization of Supplementary Vocational Education "Perm Institute of Economics and Finance". 2018. - 260 p.
2. **Mamedov N.M.** Environmental concept of culture: philosophical and methodological foundations.

Bulletin of Environmental Education in Russia. 2016. 2 (80), PP. 1-5.

3. **Nazaretyan A.P.** Synergy in humanitarian knowledge: preliminary results. ONS - Social sciences and modern times, 1997. 291, P. 96.

4. **Oleskin A.V.** Humanism as a new approach to cognize living. Philosophical issues. 1992. 11 (1), PP. 149-160.

5. **Peccei A.** Human qualities: URL: <http://www.rulit.me/books/chelovecheskie-kachestva-read-244874-1.html> (Accessed date: December 25, 2019)

6. **Chumakov A.N.** Cultural and civilizational faults of the global world. The age of globalization. 2015. 2 (1), PP. 35-47.

7. **Joonas, E., Aruoja, V., Olli, K., Kahru, A.** Environmental safety data on CuO and TiO₂ nanoparticles for multiple algal species in natural water: Filling the data gaps for risk assessment. Science of the Total Environment, 2019. - 647 p.

8. **Lee, M.-C.** Evaluation for development of construction safety work-wear under severe environmental conditions. Advances in Intelligent Systems and Computing, 2019. 791 p.

9. **Li, S., Kinser, C., Ziara, R.M.M., Dvorak, B., Subbiah, J.** Environmental and economic implications of food safety interventions: Life cycle and operating cost assessment of antimicrobial systems in U.S. beef packing industry. Journal of Cleaner Production, 2018., PP. 541-550.

10. **Wahid, A., Asiri, A.M., Rahman, M.M.** (2018). Fabrication of an efficient Isopropyl alcohol sensor based on facile Co₃O₄@Nd₂O₃ nanocomposites for environmental safety. Environmental Nanotechnology, Monitoring and Management, 10, PP. 314-321.

11. **Renton, D., Denk, P., Varban, O.** Reprocessed single-use devices in laparoscopy: assessment of cost, environmental impact, and patient safety. Surgical Endoscopy and Other Interventional Techniques, 2018. 32(10), PP. 4310-4313.

PATRIOTISM – BASIS OF THE PERSONALITY OF THE POLICE OFFICER

ПАТРИОТИЗМ – ДУХОВНАЯ ОСНОВА ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД

Natalia Vladimirovna Nikolaeva,

Candidate of Philosophy associate, professor, socio-economic and humanitarian disciplines of the Moscow Department of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikot
E-mail: sicleph@mail.ru

Alexander Petrovich Khavrak,

Associate Professor, Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines of the Moscow Department of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikot
E-mail: xavrak44@mail.ru

Наталья Владимировна Николаева,

кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Александр Петрович Хаврак,

доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: xavrak44@mail.ru

Для цитирования: Н.В. Николаева, А.П. Хаврак. Патриотизм – духовная основа личности сотрудника ОВД.

// Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020. Стр. 16-21.

Научная специальность: 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Научная специальность: 09.00.05 – этика

Annotation. The article says about the phenomenon of patriotism as a part of personality, its role and importance in the life of the police officer and ways of its creating.

Underlines that patriotism is a sophisticated and complex social quality of a personality which is one of the most important sources of the life of the nation, people and a state overall. It provides consolidation and prosperity of the Russian society throughout the history. Moreover, for the police officer patriotism is a central quality of its personality, it's his moral basis which plays a fundamental role in forming professionally important personal qualities and, as a result, providing a selfless service to the people. Also there are considered some methods and approaches of raising patriotism in students' minds.

Keywords: Fatherland, personality, patriotism, moral values, patriotic education, ritual

Аннотация. В настоящей статье рассматривается феномен патриотизма, его роль и значимость в деятельности сотрудника полиции, а также пути его формирования. Авторы отмечают, что патриотизм – это сложное системно-комплексное социальное качество личности, которое является важнейшим источником жизни нации, народа и государства в целом, обеспечивает на всем протяжении его истории консолидацию и развитие российского общества. Сделан особый акцент на том, что для сотрудника правоохранительных органов патриотизм выступает фундаментальной мотивационной установкой личности, его духовная основа для формирования профессионально значимых личностных качеств, помогающих профессиональной самоидентификации как служению отечеству. Рассматриваются наиболее эффективные формы и методы работы, направленные на воспитание патриотизма.

Ключевые слова: отечество, личность, патриотизм, духовные ценности, патриотическое воспитание, ритуал

Патриотизм является базовым основанием личности как социального субъекта, так как он является важнейшим источником жизни и исторического наследия нации, народа и в целом – государства.

К содержанию понятия «личность» в науке существуют различные подходы. Личность, согласно А.Н. Леонтьеву, характеризует, во-первых, «богатство, многообразие действительных отношений субъекта, составляющих его жизнь. Это и есть основание, реальный базис личности». А во-вторых,

– «степень развития «вторичных», высших связей действий (мотивов) между собой – их иерархизации». Следовательно, базовыми основаниями личности являются сущностные связи человека, которые представляют единую систему взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов, ядром которой выступают личностные ценности.

Подчеркивая значимость патриотизма, как духовного стержня личности, В. В. Путин на молодежном форуме утверждал, что «культурное самосознание, духовные, нрав-

ственные ценности, ценностные коды – это сфера жесткой конкуренции, порой – объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрессии, но противоборства, это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки». И далее: «Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого все равно не придумаем. Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России».

Невозможно переоценить его роль в истории нашей страны, которая свидетельствует о том, что преодоление трудных периодов ее развития всегда начиналось с обретения большей частью народа патриотических духовных ценностей. Судя по историческим событиям, нынешний период не является исключением. Это характерно не только для нашего государства. К примеру, 26 президент США Т. Рузвельт в статье «Новый национализм» писал: «Я требую, чтобы мы действовали в духе широкого и далеко идущего национализма, когда это касается всего нашего народа». С этой идеей, как знаменем, США удалось преодолеть Великую депрессию в 30-х годах и захватить мировое лидерство в 80-х годах XX столетия. Она является определяющей и сегодня. На фундаменте национальной идеи и приоритете национальных интересов был осуществлен подъем таких государств, как объединенная Германия, Япония, Китай, Индия и других.

Несмотря на это, заимствованная современными российскими политиками, некоторыми учеными и представителями творческой интеллигенции либерально-буржуазная идея и соответствующие ей духовные ценности западной цивилизации, на наш взгляд, не способствуют консолидации и процветанию российского общества, а ведут по различным причинам к негативным последствиям.

Ситуация, складывающаяся в нашем обществе, показывает, что проблема целенаправленного патриотического воспитания населения страны, главным образом молодежи, в настоящее время становится особенно

актуальной. Это подтверждает и принятая правительством уже 4-я Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы». В ней подчеркивается, что с учетом современных задач развития Российской Федерации целью государственной политики в сфере патриотического воспитания является создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколения россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию.

Поскольку сотрудники органов внутренних дел, в структуре государства, выполняют чрезвычайно важные функции по защите прав и свобод человека и гражданина, политического строя, то наличие у них гражданско-патриотических и духовно-нравственных качеств, становится определяющим.

Социализацию сотрудника органов внутренних дел, как гражданина-патриота, одновременно необходимо рассматривать как процесс профессиональной социализации, в ходе которой осуществляется освоение и усвоение конкретно определенных знаний и навыков, позволяющих ему быть готовым и способным эффективно служить не только ради собственного благополучия, но и на благо Отчизны.

По этой и другим объективным причинам патриотизм – это центральное качество личности сотрудников правоохранительных органов, их духовная основа, являющаяся фундаментом формирования профессионально значимых личностных качеств. Однако этот процесс затрудняется рядом объективных факторов. Среди основных, можно сформулировать следующие:

Во-первых, изменилась традиционно сложившаяся система ценностей в нашей стране, меняются ценностные приоритеты. Это привело к падению в шкале ценностей, особенно в среде молодых сотрудников, значения таких понятий как «честь», «долг», «дисциплина», «самоотверженность», «патриотизм», которые вытесняются понятиями

«деньги», «богатство», «престиж», «выгода», «успех любой ценой» и т.п.. Проводившийся в марте – апреле 2017 г. ВЦИОМ опрос подтверждает, что «в иерархии ценностей молодежи (в группе от 18 до 34 лет) первые три места занимают доход (15%), порядок и стабильность (11%), самореализация (8%). Для старшего поколения (35 лет и выше) важнее всего стабильность (18%), а уже после они задумываются о доходе (13%). Можно отметить также, что для людей в возрасте от 35 лет патриотизм более значим, чем для более молодых (8% против 4% соответственно).

Во-вторых, стремительно нарастает в обществе бездуховность, проявляющаяся во многих формах, в частности, в агрессивном невежестве, в девальвации духовных ценностей, в резком снижении интереса к российской культуре, искусству. Одним из грозных симптомов внутренней духовной деградации общества является то, что в нем нет неприятия цинизма и вседозволенности «новорусской бизнесэлиты» и звезд шоу-бизнеса. Такие прежние духовные ценности, как «служение народу», «защита правопорядка и законности» воспринимаются как нечто совершенно банальное, декларативное и не затрагивающее глубинных чувств большинства социально активных граждан нашей страны. Генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии, профессор С. С. Сулакшин отмечает: «Ценностный кризис очевиден. Одна из ключевых его причин заключается в том, что общенациональная идеология, задающая ориентиры развития государства, общества и личности, не закреплена на государственном уровне, более того, конституционно запрещена. Вместо этого провозглашено идеологическое многообразие. Говорить о возрождении духовно-нравственных скреп в таких условиях крайне сложно».

В-третьих, у значительной части населения России, особенно молодежи, появилась апатия, нигилизм, агрессивность, цинизм, антипатриотические настроения, неуважительное отношение к государству и социальным институтам, и, прежде всего, правоохранительным органам. И, как следствие, к сожалению, просматривается устойчивая тенденция падения престижа службы в полиции. В научной работе «Эффективность государственной правоохранительной службы и ее влияние на состояние правоохранитель-

ной деятельности государства» отмечается, что большинство опрошенных – 79 % знакомы с институтом государственной правоохранительной службы, еще 11 % что-либо слышали о нем. Вместе с тем более 35% граждан предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, и более 31% граждан относятся к ним с опасением; и, в-четвертых, объективные и субъективные процессы в стране существенно обострили национальный вопрос. Патриотизм у некоторой части населения, особенно молодежи, стал перерождаться в национализм, национальную и конфессиональную нетерпимость, сепаратизм и экстремизм. Так, А. Верховский, директор информационно-аналитического центра «Сова», специалист по проблемам национализма и ксенофобии констатирует, что в России тысячи ультранационалистов, среди которых немало и нацистов. Они предпринимают и насильственные атаки. «К сожалению, не существует никакой одноразовой прививки от этого зла. Оно постоянно мутирует и потому требует постоянного противодействия».

В связи с этим чрезвычайно важно усиление патриотического воспитания среди сотрудников органов внутренних дел, с присущими ему, как иллюстрировано выше, проблемными ценностными качествами и именно сотрудники органов внутренних дел на деле реализуют важнейшую функцию государства – защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства. И от ценностных опор их внутреннего мира, глубины понимания сути происходящих процессов и своего предназначения, во многом зависит сам факт служения народу и отечеству. Именно служение, а не только защита прав и свобод, о чем очень убедительно утверждают С.А. Воронцов и др. в статье «Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления».

Известно, что человек не рождается наделенным патриотическим сознанием, мужеством, героизмом и отвагой, чувством верности традициям государства, гражданином которого он является. Все эти качества формируются укладом жизни, а также многоаспектной воспитательной работой.

В Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя осуществляется спланированная целенаправленная работа, которая охватывает все сферы жизнедеятельности курсантов и слушателей. Регулярно проводятся по патриотической тематике научные конференции, «круглые столы», встречи с ветеранами ВОВ, афганских событий, участниками военных локальных конфликтов, единые дни

информирования.

В рамках реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» только в 2019 году было проведено более 30 различных мероприятий, среди которых самыми значимыми были несколько. «Недели мужества» с участием ветеранов боевых действий – военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, выполнявших служебный долг в «горячих точках», а также воинов-интернационалистов; памятные мероприятия, посвященные 30-летию вывода Советских войск из Афганистана, в которых наряду с личным составом Филиала участвовали члены Всероссийской общественной организации «Боевое братство», военнослужащие, учащиеся школ Рузского городского округа, воспитанники социально-реабилитационного центра «Астарта», родные воинов, погибших при исполнении интернационального долга. Выступление с напутственными словами матери младшего сержанта Железного Алексея Николаевича, командира отделения парашютно-десантной роты, посмертно награжденного орденом Красной Звезды вызвало в сердцах присутствующих бурные чувства гордости и благодарности. Уроки мужества с участием сотрудников Филиала, проходивших службу в горячих точках преподают нашим обучающимся «героические жизненные мастер-классы». Встреча личного состава Филиала с Героем Советского Союза Валерием Бурковым с его послушной и одновременно жизненной героической историей надолго врежется в память курсантам, слушателям, личному составу Филиала. Он после гибели отца – полковника Буркова Анатолия Ивановича в Афганистане в 1982 г, в 1984 г. сам добивается отправки в «горячую точку», и в ходе боевой операции на территории провинции Кандагар получает тяжелое ранение, однако предпринимает все возможное, чтобы стать «на ноги» и продолжить службу в Вооруженных силах.

Мероприятия, посвященные празднованию Победы в Великой Отечественной войне: возложение цветов и венков у памятника Солдату - Победителю в Парке Победы Московского областного филиала, на братской могиле в деревне Румянцево, над которой осуществляем шефство, участие в праздничных мероприятиях, посвященных 74-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, в Парке Победы возле могилы Неизвестного Солдата - все это стало доброй душевной традицией, которая вжилась в сердца и души обучающихся, сопутствует каждому дню в строевых песнях, памятных датах, исторических и патриотических мероприятиях. Без этих традиций памятных дат и мероприятий невозможно представить себе организацию

воспитательной работы курсантов ведомственных образовательных организаций, который завтра по окончании обучения столкнется с негативной стороной социальной среды, ежедневно неся трудовую вахту на страже закона.

Особое место занимают мероприятия в рамках всероссийской «Вахты памяти – 2019», посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. В рамках этой «Вахты памяти» состоялась вузовская научная конференция «Мы – наследники Великой Победы. Были подведены итоги одноименного творческого конкурса работ сотрудников, слушателей и курсантов Филиала, а по итогам такого же конкурса театрально-музыкальных постановок коллектив Филиала занял 1-е место; 5 декабря в Филиале у Мемориала памяти героев состоялось торжественное мероприятие, посвященное Дню воинской славы России и началу контрнаступления под Москвой в 1941 году.

Важное место в формировании патриотической позиции будущего стража правопорядка отводится его ознакомлению с историей и героическим прошлым родного края, региона, органов внутренних дел в целом, и подвигам отдельных представителей, погибших при исполнении служебного долга.

Свои первые шаги в Филиале первокурсники начинают с музея, где члены Совета ветеранов знакомят их с историей возникновения и развития в России органов правопорядка, начиная с Петровских времен и по сегодняшний день. Стараниями сотрудников-ветеранов, хранителей музея только в этом году экспозиция музея пополнилась весьма редкими приобретениями и уникальными экспонатами времен Великой Отечественной войны, найденными при проведении поисковых работ на территории района.

В рамках подготовки к празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, значительное место в экспозиции музея уделено роли и вкладу милиции в дело Победы.

Проводимая целенаправленная патриотическая работа способствовала тому, что в парке Победы нашего Филиала, в 2011 году осуществлено перезахоронение останков неизвестного солдата, павшего в боях на территории Рузского района в годы Великой Отечественной войны и поднятого поисковым отрядом «Надежда» с участием наших обучающихся. В результате кропотливой разъяснительной работы в подразделениях постоянного и переменного состава, коллективах Рузского городского округа, с предпринимателями района и области, удалось собрать

денежные средства и рядом с захоронением установить, изготовленную по индивидуальному заказу 2-х метровую бронзовую скульптуру «Солдату – Победителю», автором которой является Заслуженный художник России Сергей Григорьевич Мильченко.

Сегодня курсанты ежедневно проходя строем мимо памятника «Солдату – Победителю» отдадут воинское приветствие неизвестному Солдату.

По инициативе Совета ветеранов Филиала с участием курсантов и слушателей был сооружен памятник воинам, жителям Рузского городского округа, погибшим в локальных войнах и военных конфликтах. На его открытие были приглашены родители и родные погибших, которые, не сдерживая слез, в своих выступлениях высказывали слова благодарности за увековечивание памяти своих погибших близких.

Реставрирован мемориал «Солдатам правопорядка», погибшим при исполнении служебного долга и посмертно награжденным Родиной. Увековечены имена сотрудников с описанием их подвига из тех регионов, из которых обучаются курсанты: Москва и область, Смоленск, Тверь, Калуга, Владимир.

Каждое значимое военно-патриотическое мероприятие, проводимое в Филиале, начинается с торжественного возложения гирлянд Славы, венков и корзин с цветами к памятникам и мемориалу. Стали традиционными встречи переменного и постоянного состава с интересными людьми: героями России летчиками-космонавтами: Ю. В. Усачевым, М. В. Тюриным, М. Б. Корниенком, командиром отряда космонавтов Ю. В. Лончаковым и начальником научно-исследовательского центра подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина Героем Советского Союза и России летчиком-космонавтом С. К. Крикалевым и многими другими.

Значимое место в жизни личного состава филиала занимает ритуал. Совокупность установленных, относительно устойчивых действий, выражающих в эмоционально-окрашенной, конкретно-чувственной форме отношение к важному событию в жизни страны, коллектива, формируют чувство гордости и самоуважения. Яркая форма ритуала способствует развитию общественно значимых мотивов и идей, которые вкладываются в конкретный жизненный факт. Тор-

жественность отмечаемым событиям придает свой духовой оркестр, участвующий во всех значимых мероприятиях, проводимых не только в рамках Рузского городского округа, но и Университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Такими событиями у нас являются: День Победы, День Филиала, День сотрудника органов внутренних дел, День знаний, принятие первокурсниками Присяги, выпуски и другие знаменательные исторические даты. Традицией стало принятие Присяги проводится в Москве, на Поклонной горе в Центральном музее Великой Отечественной войны, в Зале Славы, а выпуск, с вручением дипломов – на Красной Площади.

Почетный караул, звучание духового оркестра, прохождение Торжественным маршем – все это придает данным событиям высокую идейную и патриотическую значимость. Участники испытывают подъем духовных сил, чувство возвышенного, чистого и прекрасного, связывая свой восторг, гордость, значимость события с исторической памятью великого русского народа-победителя.

В формировании целостной личности, во всей полноте ее духовности значимую роль всегда играло искусство. Понимая это, мы регулярно организуем встречи личного состава Филиала с работниками культуры. В разное время нашими гостями были: народный артист России В. А. Конкин, заслуженные артисты РФ А. Л. Левшин, И. Шведова, Московский молодежный театр под руководством В. С. Спесивцева. Прошли целевые программы «Памяти павших, во имя живых» в День памяти воинов-интернационалистов и Фестиваль патриотической песни.

Стали традиционными встречи переменного состава с помощником начальника Университета, председателем Совета ветеранов Университета МВД России имени В.Я. Кикотя А.А. Гришиным, на которых в очень тесной дружеской беседе раскрывается суть службы в органах полиции, делается акцент на высокой социальной значимости этого служения.

Традиционно осуществляется посадка деревьев первокурсниками совместно с ветеранами Филиала, Университета. Причем, на посаженном дереве закрепляется бирка с указанием кем и когда это дерево посажено. Она дает возможность осуществлять персональный уход за растением, следить за его развитием, а в дальнейшем гордиться собой и своим делом. И сейчас на территории Филиала набирает силу, как символ единения

поколений фруктовый сад, в котором растут яблони, груши, вишни, черешни. Зеленеют аллеи голубых елей, туй, красных кленов, лип, кустов сирени, жасмина.

На открытии всероссийской «Вахты памяти – 2019» В. В. Путин отметил: «Не раз говорил и вновь хочу подчеркнуть: неразрывность, преемственность истории – это основа для движения вперед, ценности, которые консолидируют и объединяют наше общество. И мы должны сделать все, чтобы сегодняшние дети, подростки, молодые люди – вообще все наши граждане гордились тем, что они наследники, внуки, правнуки победителей, знали героев своей страны и, что чрезвычайно важно, своей семьи, чтобы все понимали, что это часть нашей собственной жизни».

Поэтому со всей уверенностью можно сказать, что проводимая работа, безусловно, способствуют формированию высоко нравственной личности, с патриотическим настроем и готовностью честно и добросовестно служить на благо народу, обеспечивая правопорядок. Только целенаправленная и систематическая работа приносит желаемые результаты. Абсолютно верно, на наш взгляд, высказался Александр Зиновьев: «Экономику можно поднять за несколько лет, а вот на воспитание человека потребуются десятилетия, а то и жизнь целого поколения».

Список литературы

1. «Патриотическое воспитание граждан Рос-

сийской Федерации на 2016 – 2020 годы» (Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 1493) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192149

2. «Валдайская речь В.В. Путина» 24.10.2014 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20141024/1029977993.html>

3. «О тенденциях современного миропорядка и вызовах, стоящих перед Россией» – заявления Президента. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.itv.ru/news/2014-07-22/37823>

4. **Открытие** всероссийской акции «Вахта памяти – 2019». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov-news.ru/news/906378>

5. https://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-05-22_cennosti.pdf.

6. **Лебон Г.** Психология народов и масс. Кн. 1–2. – М., 1995. – С.115.

7. **Леонтьев А.Н.** Методологические тетради. М. 1994, С. 201-202.

8. **Манипуляция** сознанием и воспитание.– Вперед в прошлое. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lt90.org/news.php?readmore=212>

9. **Доклады Центра** «Экспертная оценка». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoymolodeji-ekspertnaya-ocenka>

10. **Воронцов С.А., Понделков А.В., Вилков А.А.** Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. №3. С. 70-74.

11. **Нагорных Р.В., Софийчук Н.В.** Эффективность государственной правоохранительной службы и ее влияние на состояние правоохранительной деятельности государства. 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

MECHANISTIC THEORY OF THINKING IN THE PHILOSOPHY OF EARLY LUDWIG
WITTGENSTEIN: THE WORLDVIEW OF THE MODERN ERA AND THE FORMATION OF
COGNITIVE SCIENCE

МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ РАННЕГО ЛЮДВИГА
ВИТГЕНШТЕЙНА: МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЭПОХИ МОДЕРНА И ФОРМИРОВАНИЕ
КОГНИТИВНОЙ НАУКИ

Vitaliy Yurievich Belsky,
doctor of philosophical sciences, Professor,
Professor of the Department of philosophy,
Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Andrey Lvovich Zolkin,
doctor of philosophical sciences
Professor of the Department of philosophy,
Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot
E-mail: az20042004@mail.ru

Виталий Юрьевич Бельский,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Андрей Львович Золкин,
доктор философских наук, доцент
профессор кафедры философии
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
доктор философских наук, доцент
E-mail: az20042004@mail.ru

Для цитирования: В.Ю. Бельский, А.Л. Золкин. Механистическая теория мышления в философии раннего Людвиг Витгенштейна: мировоззрение эпохи модерна и формирование когнитивной науки. // Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020. Стр. 22-27.

Annotation. The article deals with the philosophy of early Ludwig Wittgenstein. His views on the nature of language, thinking, and the ethical position of a person are analyzed. It is believed that in the early and late periods of his work, Wittgenstein took fundamentally different positions in understanding the language. The early period is associated with the understanding of language as a picture of the world, the later – with the activity concept of language, which is centered on the idea of meaning as the application of a sign. The article proves that the evolution of Wittgenstein's views on language was more complex, since in the early period there is also a theory of "application", and in the later period there is a "picture" theory.

Keywords: philosophy, analysis, synthesis, language, thinking, ethics, mechanics, culture, modern

Аннотация. В статье рассматривается философия раннего Людвиг Витгенштейна. Анализируются его воззрения на природу языка, мышления и этической позиции человека. Считается, что в ранний и поздний периоды своего творчества Витгенштейн занимал принципиально различные позиции в понимании языка. Ранний период связывается с пониманием языка как картины мира, поздний – с деятельностной концепцией языка, в центре которой находится идея значения как применения знака. В статье доказывается, что эволюция взглядов Витгенштейна на язык имела более сложный характер, поскольку в раннем периоде также присутствует теория «применения», а в позднем – «картинная» теория.

Ключевые слова: философия, анализ, синтез, язык, мышление, этика, механика, культура, модерн

Идеи раннего Людвиг Витгенштейна обладали известной культурной двусмысленностью, поскольку допускали интерпретацию как в духе этически ориентированного «лингвистического пуризма», так и в духе «научного видения мира». Личность Витгенштейна, и в интеллектуальном, и в нравственном плане формировалась в соци-

окультурной ситуации поздней империи Габсбургов, в которой весьма актуальны были идеи протеста против атмосферы общественной неискренности, смысловой неясности и коммуникативной невнятности и уклончивости, которую в целом можно характеризовать как культуру опустошенного, паразитического, бессмысленного языка¹.

Тот факт, что Витгенштейн представил свою «Sprachkritic» в форме «Sprachlogic», послужил отправным моментом формирования логического позитивизма как феномена культуры, в котором преобладала научная рациональность. Учение о логической форме, развивающее фреге-расселовскую идею идеального языка до антиметафизической программы, оказалось наиболее востребованной частью «Трактата». Первая энкультурация доктрины произошла не совсем так, как того хотел Витгенштейн, и все же она произошла, став основой мощного интеллектуального движения, оказавшего значительное влияние на всю культуру XX века. Но как именно хотел того сам Витгенштейн?

Концепции языка, изложенная в «Трактате», стала ответом Витгенштейна на проблемную ситуацию, порожденную расселовской теорией знания-знакомства и фреге-расселовской теорией логически корректного языка. Своеобразное «снятие» обеих теорий и определяет во многом основную идею «Трактата». Преемственность между философией Витгенштейна и расселовским проектом эпистемологической и семантической редукции к знанию-знакомству, которое в некотором смысле также может трактоваться как создание картинного образа, заключается в том, что Витгенштейн фактически придал этому проекту лингвистический характер посредством расширения картинной теории до объяснения всего языка.

Расширение картинной теории на весь язык и является витгенштейновской «редукцией к знакомству», которая осуществляется через исследование логического синтаксиса нашего языка. Поэтому наиболее существенный момент витгенштейновского «Трактата» заключается не просто в тезисе о том, что идеальный язык и есть наш действительный язык, а в том, что он есть *Begriffsschrift* в смысле Фреге; кодификация всей нашей концептуальной схемы.

Рассел допускал возможность осуществления вышеуказанной редукции единственно средствами логического анализа, который был применением его теории денотации, включая теорию определенных дескрипций. Теория знания-знакомства предполагает, что любая пропозиция, которую можно понять, должна состоять из сущностей, с которыми мы непосредственно знакомы.

Однако знакомство со всеми простыми ингредиентами пропозиции все же оставляет вне понимания ее логическую форму. Например, для того, чтобы понять пропозицию «aRb» нам следует познакомиться с a, R и b. Но этого будет явно недостаточно, поскольку мы не уверены в том, что понимаем пропозицию именно как «aRb», а не, например, как «bRa».

Расселовское решение этой проблемы заключалось в том, чтобы постулировать дополнительный класс объектов знакомства – логические формы. Следовательно, чтобы понять пропозицию «aRb», мы должны быть знакомы с четырьмя, а не с тремя сущностями. Добавочная сущность и есть логическая форма пропозиции. Таким образом, для Рассела даже логика (тотальность логических форм) основана на опыте (знакомстве).

Витгенштейн же отвергает трактовку логических форм как особого класса объектов знакомства. Логические формы не являются для него самостоятельными сущностями и конституентами пропозиций. «Общая форма, – утверждает в «Прототрактате», – не есть общая конституента»². Этот момент отмечен и в «Трактате»: «Моя основная мысль состоит в том, что «логические константы» – это не замещения. Что замещением невозможно передать логики фактов».

Следует отметить, что замысел «Логико-философского трактата» не сводится к решению исключительно логико-лингвистических задач. В письме к своему другу Людвигу фон Фикеру Витгенштейн так объяснял замысел «Трактата»: «Основное содержание книги – этическое ... Моя книга состоит из двух частей: одна – это то, что содержится в книге, плюс другая, которую я не написал. И именно эта вторая часть является важной. Моя книга очерчивает границу сферы этического как бы изнутри, и я убежден, что это – единственная возможность строгого задания этой границы»³.

Таким образом, основное содержание книги и относится как раз к тому, о чем нельзя говорить и следует молчать. Автор предупреждает читателя, что главное в его книге как раз то, что в ней не написано. «Смысл книги в целом, – утверждает Витгенштейн, – можно сформулировать приблизительно так: то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что сказать

невозможно, следует молчать»⁴.

Большинство тезисов «картинной» теории логической формы раннего Людвиг Витгенштейна одновременно применяются не только к идеальному, и к естественному языку, этот тезис распространяется и на мысли, а не только на язык. «Мысль – логическая картина факта»; ««Со-бытие мыслимо» означает: «Мы в состоянии представить себе ту или иную его картину».

Эти тезисы применимы к любому осмысленному языку, в которых может быть выражена мысль: «В предложении мысль выражается чувственно воспринимаемым способом»; «Изображать в языке нечто «противоречащее логике» столь же невозможно, как и изображать в пространственных координатах фигуру, противоречащую законам пространства, или же указывать координаты несуществующей точки».

Как тогда пропозиции естественного языка могут быть картинными событиями, если их синтаксические формы не обнаруживают своих логических форм? Витгенштейн полагает, что недостающие ингредиенты формы обеспечивает применение пропозиций. «Для распознавания символа в знаке нужно обращать внимание на его осмысленное употребление». «Знак определяет логическую форму только вместе со своим логико-синтаксическим применением». «Если знак не используют, он не имеет значения. В этом смысл принципа Оккама».

Применение логики решает, что есть элементарная пропозиция. «Какие имеются элементарные предложения, решает применение логики. Логика не может предвосхитить того, что относится к ее применению. Понятно: логика не должна противоречить своему применению. Но логика должна стыковаться со своим применением. Следовательно, логика и ее применение не должны совпадать друг с другом».

Говорить о применении логики, значит, говорить о молчаливых конвенциях, управляющих использованием языка. «Молчаливо принимаемые соглашения, служащие пониманию повседневного языка, чрезмерно сложны». Конечно, для понимания языка, согласно Витгенштейну, требуются элементарные пропозиции. Отсюда афоризмы ⁵.557 и 4.002 имеют дело с одним и тем же. Это объясняет очевидное расхождение между следу-

ющими утверждениями: «Язык переодевает мысли. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме облаченной в нее мысли; дело в том, что внешняя форма одежды создавалась с совершенно иными целями, отнюдь не для того, чтобы судить по ней о форме тела» и «Фактически все предложения нашего повседневного языка, в том виде как они есть, логически вполне упорядочены».

Объяснение заключается в том, что в первом афоризме Витгенштейн говорит о синтаксических «одеждах» языка, тогда как в последнем афоризме пропозиция берется вместе с ее применением. Другими словами, что знаку не удастся выразить, показывает его применение. «Что не удастся выразить в знаке, показывает его употребление. Что проглатывают знаки, договаривает их применение». Таким образом, уже в «Трактате» Витгенштейн намечает контуры идеи применения знака, которая будет доминировать в его поздних работах. Именно идея применения позволяет распространить картинный тезис на естественный язык.

Вместе с тем, ранняя концепция сочетает идею применения знака с тезисом о выражении мыслей в языке. Этим данная концепция применения отличается от концепции применения «Исследований».

Согласно менталистской интерпретации⁵ «Трактата», мысли есть ментальные структуры, которые детерминируют значения предложений, будучи внутренне, неконвенционально, связанными с миром. «Трактат», таким образом, содержит набросок теории механистического объяснения выражения мысли в естественном языке⁶. Согласно данной интерпретации, ранний Витгенштейн занимал позицию весьма сходную с позицией когнитивной психологии, однако там, где когнитивисты говорят о мозге, он говорил о метафизическом субъекте. «Раннее учение Витгенштейна, – отмечал А.Ф. Грязнов, – допускает корреляцию ментальных и языковых структур, причем можно предположить, что ментальные значения каким-то непостижимым образом генерируются метафизическим субъектом, запредельным «миру фактов» и устанавливающим его границы»⁷.

При конвенционалистской интерпретации⁸ концепция мышления, представленная в «Трактате», предельно сближается с концеп-

цией значения как употребления «Философских исследований». В качестве подтверждения этой интерпретации используются некоторые афоризмы «Трактата». «Примененный, обдуманый знак-предложение, есть мысль». «Если знак не используется, он не имеет значения». Защитники конвенционалистской интерпретации, развивают главным образом идеи Даммита, утверждающего, что в «Трактате» представлена стратегия лингвистического анализа «фрегеанских» мыслей, которые «очищены от всех эпистемологических или психологических аспектов настолько же досконально, насколько дом бывает очищен от присутствия живших в нем когда-то покойников»⁹.

Конвенционалистский подход уточняется обычно в качестве «квазифрегеанского», а не фрегеанского как такового, поскольку витгенштейновские «мысли» все же не являются «фрегеанскими мыслями», а представляют собой лишь функции конвенционально определенных употреблений знака. Подтверждение этого тезиса находят в словах Витгенштейна: «Значение знака не должно играть какую-либо роль в логическом синтаксисе; возможность его построения не требует обращения к значению знака, предполагается лишь описание выражений».

Этот отрывок говорит только о синтаксической структуре, которой должен обладать знак для того, чтобы иметь возможность выражать смысл. Поэтому конвенционалистская интерпретация фактически основывает свою позицию на афоризме «Трактата», который посвящен именно синтаксису и не затрагивает проблему значения. Витгенштейн же не утверждал, что именно конвенции, а не мысли детерминируют значения знаков. Он пытался объяснить конвенциональную связь между мыслями и фактами, обращаясь к понятию картины.

Кроме того, собственные признания Витгенштейна свидетельствуют в пользу менталистской интерпретации, поскольку в письме к Расселу от 19.8.1919. он писал: «Я не знаю, каковы конститuentы мысли, но я знаю, что она должна иметь конститuentы, соответствующие словам языка. Какого рода отношение связывает конститuentы мысли и конститuentы изображаемого ею факта, здесь не существенно. Этим должна была бы заниматься психология... «Состоит ли мысль

из слов?» Нет! Она состоит из психических конститuent, которые связывает с реальностью тот же тип отношения, что и слова. Но каковы они, я не знаю»¹⁰.

В «Философских исследованиях» Витгенштейн уже полагал, что понятие ментальной картины, внутренне связанной со своим применением, уже не может быть прояснено. В результате, мы приходим к выводу о том, что «картинная» теория пропозиций является как теорией мыслей, так и теорией физических предложений, однако отдает приоритет мыслям. Приоритет заключается в том, что мысль в отличие от предложения «является картиной внутренне». Поэтому «Трактат» относится к традиции Августина, Локка, Рассела, Мура, Brentano, Гуссерля и других философов, принимающих идею того, что мысль предшествует языку. Вклад «Трактата» в эту традицию заключается в попытке объяснения неконвенциональной связи между мыслями и фактами посредством обращения к понятию картины уникального вида.

Таким образом, если Даммит считал, что историческое значение «Трактата» ограничивается тем, что Витгенштейн полностью принял фрегеанскую перспективу и познакомил философское сообщество с фрегеанской революцией в философии мышления, то Витгенштейн скорее осуществил набросок философских оснований механистической когнитивной науки. При этом «мысли» «Трактата» могут и не рассматриваться в качестве интроспективно осознаваемых объектов, поскольку когнитивный механизм настолько сложен, что, с точки зрения современной науки, не дает возможности непосредственного перехода от него к логике языка. «Повседневный язык – часть человеческого устройства, и он не менее сложен, чем это устройство. Люди не в состоянии непосредственно извлечь из него логику языка».

Вместе с тем, философское значение «Трактата» для нашего времени заключается в том факте, что Витгенштейн не передает объяснение структур когнитивного механизма эмпирической науке, а лишь признает, что понятие подобных структур является эмпирическим понятием. И механистический проект «Логико-философского трактата» подготовил автора «Философских исследований» к критике подобных метафизических предположений когнитивной науки за тридцать лет

до того, как они получили эксплицитную формулировку у других исследователей.

Гносеологический субъект в «Трактате» не принадлежит к этому миру, доступному физикалистским описаниям, он – граница мира. В этом смысле он – метафизический субъект, которого нельзя обнаружить нигде в мире и которого не следует смешивать с человеческим телом или человеческой душой. «Философское «Я» – это не человек, не человеческое тело или человеческая душа, с которой имеет дело психология, но метафизический субъект, граница – а не часть – мира».

Для Витгенштейна же философский субъект является границей мира и языка в том смысле, что этот мир – это его мир, субъект придал ему структуру и определенность. «Я есть мой мир (микрокосм)». Однако субъект, сливающийся с миром, теряет свое имя и индивидуальные психологические характеристики. Субъект как граница находится в тесной связи с пониманием основной задачи философии, которая должна установить границы мыслимого, а они могут быть установлены только изнутри, то есть внутри того, что может быть сказано. «Картинная» теория значения вообще не является традиционной теорией значения, она есть часть механистической теории языка. Поэтому и «мистические» афоризмы в конце «Трактата» суть естественное следствие механистического мировоззрения¹¹.

Как Витгенштейн понимает механику? «Механика определяет единую форму описания мира, говоря: все предложения, используемые для описания мира, должны получаться заданным способом из некоторого числа заданных предложений – аксиом механики. Тем самым она дает нам строительные камни для здания науки и говорит: какое бы здание ты ни хотел построить, любое из них ты должен тем или иным способом собрать из этих, и только этих, камней». «Механика – это попытка построить по единому плану все истинные предложения, которые нужны нам для описания мира». В этом мире «нет никаких ценностей, ибо если бы они были в мире, они уже не были бы ценностями». Все то, что находится в мире, в силу этого является просто фактом. Все

факты равноценны. Нет фактов более или менее глубоких, более или менее ценных. Поэтому и «смысл» мира должен лежать вне его. От такого мира нечего ждать, в нем не на что надеяться, и субъекту остается только занять достойную этическую позицию, поскольку философское «Я» Витгенштейна отвечает только за то, что мир является моим миром.

Мыслящий субъект, функцией которого является познание мира, оказывается, согласно Витгенштейну, ненужным, поскольку «связь между знанием и тем, что знают, – связь логической необходимости». Субъект не устанавливает эту связь и его существование ничего к этой связи не прибавляет. Принципиальное же значение имеет тот факт, что именно мир оказывается моим миром, а не наоборот. «Удивимся факту наличия мира. Любая попытка это выразить ведет к бессмыслице. У человека есть намерение атаковать границы языка. Эта атака указывает на этику. Все, что я описываю, есть в мире. В полном описании мира никогда не встречаются предложения этики, даже если я описываю убийцу. Этическое не есть положение дел»¹².

Этическое не связывается философом ни с системой норм и правил, ни с наказаниями за их неисполнение. Этическое – это нечто такое, что несет награду в себе самом. Этическое не может быть высказано в предложениях, потому что нет предложений, высказывающих нечто более высокое, нежели остальные предложения. Кроме того, Витгенштейн утверждает, что «этика трансцендентальна. (Этика и эстетика суть одно)».

Эстетика же понимается как определенный способ видения, созерцания. Этическая установка тогда также состоит в установке на незаинтересованное созерцание мира. Высшей ценностью при этом является сам факт того, что мир существует. Именно это вызывает высшее философское изумление. «Созерцание мира с точки зрения вечности есть созерцание его как ограниченного целого. Чувство мира как ограниченного целого есть мистическое». Однако это чувство и созерцание невыразимы. Об этом нельзя говорить, ибо невозможно говорить осмыс-

ленно. Высказывать можно предложения науки. О том, о чем нельзя говорить, надлежит молчать.

Тот, кто понял мысль автора «Трактата», должен понять и бессмысленность всех выражений, с помощью которых он ее передает. Оказывается, что Витгенштейн не строит в «Трактате» никаких концепций – ни концепции мира, лишённого причинных связей, ни концепций языка как образа реальности и т.п. Он сам предупреждает, что все эти утверждения бессмысленны. Потому что все рассуждения «Трактата» – это только ступеньки лестницы, ведущей к ... чему? Созерцанию мира как целого? Мистическому переживанию существования мира, которое снимает вопрос о смысле жизни? О чем нельзя говорить, о том надлежит молчать. Сумевший понять должен, как утверждает Витгенштейн, отбросить все сказанное в его книге как ставшую уже ненужной лестницу.

просы философии. 2001. №7. С.40.

²Hintikka J. An Anatomy of Wittgenstein's Picture Theory // *Artifacts, Representation and Social Practice*. 1994. P. 232.

³цит. по Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн в философии XX в. Долгопрудный, 1994. С.34-35.

⁴Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // *Философские работы (Часть 1)*. М., 1994. С.3.

⁵ Данная интерпретация, в частности, представлена в: Malcolm N. *Nothing is Hidden: Wittgenstein's Criticism of his Early Thought*. Oxford: Basil Blackwell. 1986; Katz J. *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge. Mass.: MIT Press. 1990.

⁶McDonough P. Wittgenstein's Refutation of Meaning-Skepticism // Puhl K. (ed.) *Meaning Scepticism*. Berlin: De Gruyter. P.80.

⁷Грязнов А.Ф. Развитие взглядов Л. Витгенштейна на проблему мышления // *Философские идеи Людвиг Витгенштейна*. М., 1996. С.129.

⁸Данная интерпретация, в частности, представлена в: Carruthers P. *Tractarian Semantics*. Oxford: Basil Blackwell. 1989.

⁹Dammett M. *Frege: Philosophy of Language*. L.: Duckworth. 1981. P.679.

¹⁰ цит. по Сокулер З.А. Субъект, сознание и «другие сознания»: некоторые интерпретации философии Л. Витгенштейна // *Современная аналитическая философия. «Сознание и деятельность»*. М., 1991. С. 105.

¹¹Золкин А.Л. *Язык и культура в англо-американской аналитической философии XX века*. М., 2005. С.62.

¹²Вайсман Ф. Витгенштейн и Венский кружок // *Аналитическая философия: становление и развитие*. М., 1998. С.58.

¹Вригт Г.Х. фон. Витгенштейн и двадцатый век // Во-

PERSONALITY IN TERMS OF METAPHYSICS AND AXIOLOGY

ЛИЧНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕТАФИЗИКИ И АКСИОЛОГИИ

Irina Vladimirovna Polozova

doctor of philosophical sciences, professor in the department of philosophy
of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia
named after V. J. Kikot,
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна Полозова,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,

Для цитирования: И.В. Полозова. Личность с точки зрения метафизики и аксиологии. // Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020. Стр. 28-31.

Annotation. In contrast to the sociological model of personality, the article examines the metaphysical concept of the human personality, dating back to the Christian tradition. In addition, an axiological understanding of personality is presented, considering it as the intersection of three value dimensions.

Keyword: personality, axiological model of personality, spiritual values

Аннотация. В статье в противовес социологической модели личности рассматривается метафизическое понятие человеческой личности, восходящее к христианской традиции. Кроме того, представлено аксиологическое понимание личности, рассматривающее ее как пересечение трех ценностных измерений.

Ключевые слова: личность, аксиологическая модель личности, духовные ценности

Многие отрасли гуманитарного знания активно используют понятие личности, хотя в контексте современной философии и культуры, можно увидеть его деформацию и даже тенденцию к исчезновению. Данная тенденция связана, прежде всего, с разрушением духовных основ культуры, отступлением современной философской мысли, особенно философии постмодернизма, от своих духовных оснований.

В отечественном обществознании по отношению к личности доминирует социологический подход, родоначальниками которого явились О.Конт, К.Маркс и Э.Дюркгейм, согласно которому личность полностью определяется обществом. Представители данного направления, в целом, верно указывают на то обстоятельство, что общество оказывает самое серьезное влияние на содержательное наполнение личности.

Но они упускают из внимания самое главное обстоятельство, состоящее в том, что общество не формирует собственно человеческую личность. С критикой данной позиции в свое время высказался Н.А.Бердяев: «Социология утверждает, что человек есть животное, подвергшееся муштровке, дисциплине и выработке со стороны общества. Все ценное в человеке не присуще ему, а получено им от общества, которое он вынужден почитать

как божество¹».

Изначальный, метафизический подход к личности по происхождению связан с христианской традицией, ведь своим появлением в европейской культуре понятие личности обязано христианству, и в дохристианской греческой философии не встречалось. Как пишет современный греческий философ Иоанн Зизиулас, «понятие личности как исторически, так и экзистенциально связано с богословием, т.е. с учением Отцов Церкви, и не опирается ни на Платона, ни на Аристотеля²».

На обусловленность понятия личности христианством и на особое значение понятия о личности в христианском учении указывали многие православные мыслители XX века, такие как: В.Н.Лосский, Иоанн Мейендорф, Георгий Флоровский, Софроний Сахаров, Антоний Сурожский, Христос Янарес, Иоанн Зизиулас и др.

Понятие личности является важнейшим достижением христианской мысли, связанным с развитием триадологии и христологии в Древней Церкви. Христианство впервые утвердило идею личности, поначалу рассматриваемой как личностный образ бытия Бога, и смогло разрешить задачу ее осмысления с помощью философских понятий и категорий. В решение этой задачи основной

вклад был внесен христианскими мыслителями IV века, известными под именем Великих каппадокийцев: святителями Василием Великим, Григорием Богословом и Григорием Нисским,

Человек, являясь образом Бога, в христианстве также рассматривается как личность. Идея создания человека по образу Бога, собственно, содержит указание на личностный характер его существования. Личность является проявлением образа Божьего в человеке, эталоном которой является образ совершенного человеческого бытия, осуществленного во Христе. С точки зрения христианства, личностный способ бытия является неотъемлемым признаком человека, несмотря на то, что человеческие личности чаще всего бывают несовершенными и искаженными.

Христианскими мыслителями понятие человеческой личности было соотнесено с другими категориями метафизики: понятиями ипостаси, природы и сущности. Понятие «личность», в первую очередь, соотносится с другими категориями, важнейшими среди которых являются родственные, близкие ему по смыслу категории «ипостась» и «сущность». Понятие сущности, принадлежащее Аристотелю и соотносимое им с формой, задает способ бытия вещи, отличный от ее материального субстрата. Понятие ипостаси в этом смысле близко по своему значению аристотелевскому понятию сущности, ибо также означает принадлежность к «формальному» кругу категорий, несводимость к материи, природе. Вместе с тем, в христианской триадологии понятия сущности и ипостаси принадлежат к двум различным категориальным полюсам. Это связано с тем, что по причине того, что в Божественном бытии все существенно, категория сущности выступает как тождественная понятию природы, а ее структурообразующую роль выполняет категория ипостаси.

В общем виде различия между понятиями «сущности» и «ипостаси» были проанализированы Чурсановым С.А., который выделил ряд отличий между данными понятиями у каппадокийцев. Понятия сущности и ипостаси различаются, например, как понятия общего и частного. Ипостась выступает здесь частным, особенным по отношению к сущности. Далее, ипостась, как частное отличается от сущности, как общего, благода-

ря своим особенностям или отличительным признакам. Можно, тем самым, говорить об инаковости каждой ипостаси как по отношению к общей сущности, так и другим ипостасям. Ипостась, далее, предполагает указание и на сам отличительный признак. Свойством ипостаси является также ее самобытность или же самоопределяемость. Важнейшей характеристикой ипостаси является также ее неделимость, простота, в отличие от бесконечно делимой природы³.

Великие каппадокийцы, далее, осуществили сближение понятий ипостаси и личности. Изначально понятие личности было нефилософским по своему происхождению, оно было заимствовано каппадокийцами из театральной сферы, где означало актерскую маску. Личность стала рассматриваться как ипостась бытия, в том смысле, что она мыслилась как начало, определяющее человеческое бытие, характеризующее его специфику.

Личность является метафизической характеристикой, изначальной «формой», определяющей человеческую природу. «Личность», поэтому, следует понимать как структурообразующее начало в человеке, которое формирует неповторимый образ существования его природы. В этом смысле понятие личности восходит к аристотелевской категории формы, которая выполняет свою структурирующую и организующую роль по отношению к материи. Личность и является таким онтологическим структурным началом, которое выступает в качестве некоей «формы» по отношению к человеческой природе.

Личность не существует вне человеческой природы, но, реализовавшись в ней, задает уникальный способ существования человека. Личность принадлежит к числу метафизических категорий, она не описывается в терминах природы (физики), и является неуничтожимой, несмотря на все природные изменения, происходящие с человеком. Указание на личность посредством имени собственного связано со стремлением выразить ее неповторимость.

В качестве доказательства особого, не-социологического статуса личности служат ее важнейшие свойства и характеристики, носящие метафизический характер, среди которых: свобода, открытость, творческий характер, целостность и неделимость, не-

познаваемость аналитическими объективирующими методами⁴. К числу атрибутов личности относятся также самосознание, самоопределение, выбор, вера, ответственность, владычество, бессмертие, уникальность⁵.

Итак, личность генетически связана с формальным аспектом бытия в аристотелевском смысле, поэтому возможно рассматривать личность как некую структуру, организующую человеческую природу. Структуру личности образуют, прежде всего, ценности. Действительно, если личность перестает нести в себе сверхлические ценности, то происходит ее разрушение. Именно об этом сказал Н.А. Бердяев, утверждая, что «личность – носитель и творец сверхлических ценностей, она существует, только если сверхлические ценности существуют, и ее существование предполагает существование Божие»⁶.

Можно утверждать, что именно ценностная структура является имманентной структурой личности, так как мотивационно-потребностная структура соотносится в большей степени с человеческой природой, чем, собственно, с личностью, статусно-ролевая структура, соответствующая социологической модели, является по отношению к личности внешней, и отражает занимаемые личностью позиции в обществе, а не ее собственные основания. Ценностная же структура отражает личность как таковую, ибо личность является, прежде всего, носителем ценностей. Действительно, личность принадлежит к обществу лишь частью своего существа, остальным составом к миру духовному. Тем самым, личность может быть рассмотрена как точка пересечения метафизики и аксиологии.

Сведение личности к ценностям не отменяет такие ее качества как целостность, неделимость, простота, так как сложность любой структуры означает возможность ее разделения на части, которые по отношению к ней являются меньшими. Ценности же являются элементами, равновеликими личности, или даже превосходящими ее.

В определении аксиологической структуры личности мы будем исходить из признания тройственной ориентации человека в мире. В качестве основных измерений человеческого бытия может быть рассмотрено собственное существование человека, его от-

ношение к другому индивиду и отношение к высшему началу, Богу, лежащее в основе религии. Данные аксиологические измерения охватывают все человеческое существование, в то же время, без учета какого-либо из них представления о человеческой личности являются неполными. Выделенные аспекты личности задают три определяющих нравственных ценности, среди которых назовем честь, честность и благочестие, образующих базовую структуру личности. Данные ценности, в свою очередь, являются основой для других нравственных ценностей.

На тройственную ориентацию человека в мире, то есть на отношение личности к своему природному началу, к другому человеку и к Богу опирается классификация составляющих ее ценностей, которые разделяются на три вида: аскетические, нравственные и религиозные⁷.

Аскетический принцип лежит в основе отношения человека к своему природному началу. Ценности данной группы утверждают личность через её господство над несовершенной человеческой природой. В отличие от природы, которая всегда следует за своими желаниями, личность осуществляет свой нравственный выбор нередко вопреки им. К аскетическим ценностям традиционно относят пост, воздержание, телесные подвиги, труд.

В основе второй группы ценностей лежит нравственный принцип, задающий отношения человека к другому человеку, предполагающий уважение достоинства ближнего и заботу о его благе. К числу нравственных ценностей относятся: доброжелательность, отзывчивость, сочувствие, сострадание, терпение, честность, искренность, доверие, бескорыстность, благодарность, любовь, самопожертвование.

В основе третьей группы ценностей, основанных на отношении личности к Богу, лежит принцип подобающего отношения к высшему. Религиозные ценности в наибольшей степени характеризуют причастность человека к абсолютному благу. К религиозным относятся такие ценности, как: благоговение, раскаяние, благочестие, смирение, вера, надежда, любовь, верность, праведность.

Таким образом, структура личности образована аскетическими, этическими и религиозными ценностями, которые в совокупности образуют стройную ценностную систему.

Данные ценности, взаимно дополняя друг друга, составляют гармоничное единство по отношению к устройству человеческой личности и служат целям ее нравственного совершенства.

Выражая отношение личности к различным уровням бытия, природному началу, человеку и Богу, аскетические, этические и религиозные ценности определяют стремление личности к совершенству. Каждая добродетель является одновременно и качеством личности, и признаком, указывающим на ее ценностную ориентацию, её стремление к беспредельному совершенству. Общим для всех ценностей является принцип совершенства, благодаря которому, все добродетели, входящие в нравственную структуру личности, составляют единую ценностную систему.

Обладание ценностями выражает степень причастности личности к объективному и безусловному благу, оно является важным результатом утверждения человека в его высоком достоинстве. Разрушение ценностной структуры ведет, поэтому, к разрушению личности.

В результате рассмотрения проблемы личности мы приходим к выводам о том, что именно личность, понимаемая как носитель ценностей, является определяющим существенным признаком человека. Подобное понимание личности должно быть основой для гуманитарных наук, нередко отделяющих личность от бытия человека, рассматривающих личность как привнесенную характеристику, как, например, результат социализации. Вместе с тем, нужно понимать, что личность является не отвлекающей идеей, но она обладает конкретной полнотой жизни, свободой и возможностью самоопределения по отношению к ценностям.

Главное значение обращения к понятию личности на современном этапе состоит в восстановлении изначального смысла данного понятия и отказа от сведения ее исключительно к влиянию социума, Нужно понимать также, что утверждение личности вовсе не означает утверждение индивидуализма, основанного на следовании биологической природе. Напротив, индивидуализм, которым пронизана жизнь современного общества, вся

современная культура, предполагает образ жизни, противоположный личностному. Индивидуализм, ведущий к замкнутости, к самоизоляции, к противопоставлению себя окружающим, связан с реализацией человеком проявлений своей изолированной природы и несовместим с личностной открытостью.

Понятие личности имеет основополагающее значение для всей современной цивилизации, ведущей историческую и мировоззренческую преемственность от культуры христианской. Особое внимание к личности, свободе, правам человека, представляющие собой идеалы современного общества, является результатом мировоззренческой революции, произведенной святыми отцами, отождествившими понятие личности с понятием ипостаси и придавшим, тем самым, понятию личности значение безусловной ценности.

Список литературы

1. **Лосский В.Н.** Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
2. **Лосский В.Н.** Богословское понятие человеческой личности // По образу и подобию. М., 1995.
3. **Леонов В.**, прот, Основы православной антропологии: учебн. пособ. – М., Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013
4. **Митр.** Иоанн Зизиулас. Бытие как общение: Очерки о личности и Церкви / Предисл. прот. Иоанна Мейендорфа; Пер. с англ. Д.М. Гзгзяна. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. – 280 с.
5. **Чурсанов С.А.** «Лицом к лицу». Понятие личности в православном богословии XX века. Издательство ПСТГУ, Москва, 2008.

-
- ¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993, с.60
 - ² И.Зизиулас От мысли до личности // Богословие личности М., изд. ББИ, 2013, с.243
 - ³ Чурсанов С.А. об основных понятиях Великих каппадокийцев и богословском понимании человеческой личности// Богословие личности М., изд. ББИ, 2013, с.87
 - ⁴ Чурсанов С.А. «Лицом к лицу». Понятие личности в православном богословии XX века. Издательство ПСТГУ, Москва, 2008.
 - ⁵ См. 3. Леонов В., прот, Основы православной антропологии: учебн. пособ. – М., Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013, с.118-119
 - ⁶ Бердяев Н.А. О назначении человека, М., 1993, с.62
 - ⁷ См. Платон Игумнов Нравственное богословие. СПб., 2008, с.278

**CONSEQUENCES OF THE WITHDRAWAL OF THE ZGV THE TERRITORY
OF GERMANY (GDR)****ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫВОДА ЗГВ С ТЕРРИТОРИИ ФРГ (ГДР)**

Vasily Dmitrievich Samoilov,
doctor of pedagogy, candidate of military Sciences,
professor, veteran of military service

Василий Дмитриевич Самойлов,
доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор
ветеран военной службы

Для цитирования: В.Д. Самойлов. Последствия вывода ЗГВ с территории ФРГ (ГДР). // Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020. Стр. 32-34.

Annotation. Challenges and threats to the state security of the Russian Federation affect various areas. The article presents the events and facts about the abandonment of the territory of the GDR (Germany) by the Western group of troops of the USSR armed forces (RF armed forces), which are reflected in the historical-archival and personal documents of the author; the article is important for researchers, research and teaching staff of universities in the fields of history, politics, war and peace, decision-making in the field of geopolitics, for current officials of state authorities (hereinafter-OGV) at the Federal level and at the level of subjects of the Russian Federation, public administration and military administration. Many of the negative consequences of leaving the ZGV in Germany affect the appetites of falsifiers of national history, including on the occasion of the 75th anniversary of the great Victory of the Soviet people, who liberated Europe from the Nazis.

Keywords: Western group of troops; NATO; Germany; return

Аннотация. Вызовы и угрозы государственной безопасности РФ затрагивают различные сферы. В статье представлены события и факты об оставлении Западной группой войск (ЗГВ) ВС СССР (ВС РФ) территории ФРГ (ГДР), которые отражены в историко-архивных и личных документах автора; статья значима для исследователей, научно-педагогических работников вузов в областях истории, политики, войны и мира, принятия решений в сфере геополитики, для действующих должностных лиц органов государственной власти (далее – ОГВ) на федеральном уровне и уровне субъектов РФ, органов государственного управления и военного управления. Многие негативные последствия оставления ЗГВ территории ФРГ влияют на аппетиты фальсификаторов отечественной истории, в том числе по случаю 75-летия Великой Победы советского народа, освободившего Европу от фашистов.

Ключевые слова: Западная группа войск; НАТО; ФРГ; возвращение

Предисловие. Западная группа войск (ЗГВ) – это Группа советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ)¹, Группа советских войск в Германии (ГСВГ), это победители фашистской Германии, которых до предательства Советского Союза политическим мышлением М.С. Горбачёва с его мыслителями, выставили из Европы. Рулевым КППС и СССР перед этим обеспечено пожирание социалистической ГДР (антифашистское государство) капиталистической ФРГ (средоточие нацистов и командования вермахта). Отечественной (российской) военной истории не известно бегство из Германии потомков советских победителей². Даже на завершающем этапе 2-й Мировой войны масштабы переброски советских войск на Дальний Восток для разгрома Японии были менее масштабны.

С появлением на вооружении Советской Армии тактического ядерного оружия (далее – ЯО) и ядерных фугасов на полигонах

ГСВГ проводились учения с его имитацией, что с ужасом воспринимали в бундесвере. В процессе вывода ЗГВ с территории ФРГ активизировались СМИ: «По данным США, ... 138 лётчиков, совершавших разведывательные полёты над территорией Советского Союза во времена холодной войны, считаются пропавшими без вести. В период между 1950 и 1970 годами во время таких полётов были сбиты, ... 253 военнослужащих ВВС США. ... 25 погибли, 90 живы. В апреле 1993 г. официальные представители прибыли в Россию для выяснения судьбы других лётчиков»³. На самом деле, лётчиков США сбивали и над территорией ГДР в 1950-е годы при совершении ими воздушной разведки.

• С началом своей перестройки М.С. Горбачёв считал, что вопрос об объединении ФРГ с ГДР может быть решён через 100 лет: «Есть два немецких государства с различным социально-политическим строем. У них свои ценности. Оба они извлекли уроки из

истории, и каждое может вносить свой вклад в дела Европы и мира. Что будет через 100 лет – решит история. А пока надо исходить из реальностей, а не заниматься поджигательскими спекуляциями». Но уже через три года тот же Горбачёв стал инициатором объединения ФРГ и ГДР, включая вывод ГСВГ с её переименованием в ЗГВ (июнь 1989 г.) вопреки интересам СССР, которой его усилиями насаждалась «сугубо оборонительная доктрина», хотя руководство блока НАТО и в 2020 г. не помышляет о своём роспуске.

В результате переговоров по формуле «2 (ФРГ и ГДР) + 4 (СССР, США, СК и Франция)» 12 сентября 1990 г. министрами иностранных дел ФРГ, ГДР, СССР, США, Франции и СК был подписан «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии», в соответствии с которым федеральным правительством перед германским бундестагом было заявлено, что: «Мы торжественно подтверждаем, что с немецкой земли будет исходить только мир». Это означало их отказ от производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием, сокращение ВС ФРГ в течение 3 – 4 лет до 370 тыс. человек. ФРГ была готова заплатить св. 100 млрд дойч марок (далее – ДМ), в том числе, компенсацию за ущерб во время войны, но Горбачёв отказался от помощи. Даже за экологический ущерб СССР оставил безвозмездно имущества, строений, экстра-класса аэродромов ... на 10 млрд ДМ. А за год до вывода ЗГВ Россия должна была ФРГ более 80 млрд ДМ4. Главкому ЗГВ ускорили план вывода ЗГВ с выводом её 10 % в последний 1994 г.

• После вывода ЗГВ в сентябре 1994 г. в Берлине наградили победивших СССР руководители Западной Европы и командование НАТО медалью «За победу в холодной войне» (на обороте американской медали: «2 сентября 1945 – 26 декабря 1991»). 15 октября 1990 г. миротворец Горбачёв получил Нобелевскую премию мира «за вклад в снижение международной напряжённости и осуществление политики гласности». Вывод: глас Горбачёва натовцы услышали.

ГСВГ, ЗГВ – это фабрика советских офицеров5: будущие министры обороны Советского Союза и начальники Генштаба; главкомы СВ, ВВС, ПВО; большинство высшего

офицерского состава (маршалов, генералов) обучались на полигонах ГДР в состоянии повседневной (повышенной) боеготовности. За 49 лет в ГСОВГ, ГСВГ, ЗГВ прошли службу 8 млн 500 тыс. граждан СССР, сотни тысяч сограждан родились в ГДР, многие провели здесь детство, учились в школах (например, Владимир Высоцкий); здесь служили своему Советскому Отечеству 1 354 Героя Советского Союза.

В процессе поспешного вывода (возвращения) из ЗГВ на советских (российских) военнослужащих часто совершались вооружённые нападения. Автору удалось умчаться на Фольксвагене (Гольф-1) в районе пересечения госграницы (у Бреста) от погони шестерых вооружённых нападавших на двух автомобилях. Телеэкраны неоднократно демонстрировали художественные фильмы о подобных нападениях и убийствах своими соотечественниками военнослужащих ЗГВ. Будучи оперативным дежурным по штабу 20 гв. Общевоинской армии (ОА) автор в апреле 1994 г. докладывал командиру армией генерал-лейтенанту Н.В. Пугачёву о 16 погибших при передвижении из ФРГ на личном автотранспорте (тогда погибла и семья – родители с тремя детьми). В позорном оставлении фашистской Германии, побеждённой отцами и дедами, распались семьи военнослужащих. В ЗГВ находилось до 55 тысяч семей, не имевших на Родине своих квартир. На 31 августа 1993 г. из 22 строящихся военных городков было введено в строй только два. Бездомными оказались около 140 тыс. человек.

Появились и дезертиры: подполковник Колесников (бывший командир полка), до 200 иных военнослужащих, в число которых входили лейтенанты-дезертиры Алекперов и Мацюта, совершившие вооружённое нападение на дежурного по полку (63 гв. тп в Розенкруге), похитившие 15 пистолетов ПМ и 222 патрона к ним, которых автору удалось обнаружить в районе военного госпиталя Белиц, где дислоцировал 80 разведбат бундесвера. На вопрос М.П. Бурлакова Нойзелю, статсекретарю МВД ФРГ: «Как Вы думаете возвращать дезертиров?», главкому ответили: «Дезертирство – это ... проблема ЗГВ... Но по законодательству ФРГ всякий гражданин, настаивающий на политическом убежище, может воспользоваться этим правом». Наш

главком: «... дезертир любой армии – это преступник. ... В ЗГВ нет политических беженцев, а есть – преступники! ... ЗГВ лишилась не самых лучших людей. Но и ФРГ в лице предателей ничего хорошего не приобрела ...».

• ВС США из 252500 военнослужащих, находящихся на территории ФРГ в составе двух армейских корпусов (АК) – 5 АК и 7 АК, планировали вывести 40 тыс. военнослужащих и почти 50 тыс. членов их семей в течение 5 – 7 лет; Соединённое Королевство (СК) до 1995 г. намеривалось вывести всего 27 тыс. человек Британской армии из 38 пунктов, включая Берлин.

В отличие от блока НАТО раздел ВС СССР и формирование армий в постсоветских государствах был не цивилизованным. Начало положило руководство Украины, которое стало «захватывать всё, что находилось на её территории: боевые соединения, части, ... живых людей», которые перешли под украинскую юрисдикцию. К мнению автора 17 января 1992 г. на Всеармейском Офицерском собрании в Кремле прислушался лишь Президент Казахстана Н. Назарбаев: «Настоящие офицеры ... две присяги не принимают», это когда он мне и моим сослуживцам по полку в ТуркВО предложил продолжить свою службу в составе ВС Казахстана.

Руководство Польши подняло тарифы за транзит воинских транспортов из ФРГ так, что оплата стала исчисляться миллиардами, не 1 млрд ДМ, что выделила ФРГ для возвращения всей ЗГВ. Поэтому до 80 % перевозок воинских грузов было выполнено именно морским путём.

Меркли интересы СССР для его безопасности и независимости, за что погибли и умерли 27 млн советских граждан. До начала вывода численность ЗГВ составляла 546,2 тыс. человек, в том числе 337,8 тыс. военнослужащих. На вооружении насчитывалось 115 тыс. единиц техники и вооружения, в том числе 4197 танков, 11500 бронемашин, 3716 единиц артиллерии, более 2,5 млн тонн материально-технических средств. Эту мощь передислоцировали в СССР за четыре года (3 года и 8 месяцев из-за дирижёрства Ельциным военным оркестром в Берлине при выводе 6 омсбр в г. Курск). М.С. Горбачёв и Н.С. Хрущёв в ГДР с военнослужащими ГСВГ – ЗГВ встречаться не желали.

Зачем глумиться над проблемой, если ответ на полстроки? Вот если нравится дилемма, пишите что-то от руки. Агрессия есть нападение, что по-французски aggression. Если присутствует сомненье, пусть вспомнится Наполеон, кто 207 лет как решился агрессором к России стать. Он покорителем явился – едва сумел живым удрать. ...129 лет минуло, фашист на СССР напал. Ефрейтора в Москву тянуло, – пришлось отравленным стогать. Да, не агрессия случилась – Союз

Советский проиграл. США над страной так поглумились, присвоив денег Капитал. Как резюме: что вы хотите? Если агрессию познать, тогда труды других прочтите – свои продолжу рифмовать! 15.01.2018 г. [7, с. 99]

Резюмируем: в Историю войти тяжело, вляпаться легко. Горбачёв – это не мировой лидер, не борец за мир под брендом Нобеля: он только волокся за мировыми событиями, приведя могучий СССР к геополитической катастрофе, схоронив свою жену, обеспечив себе политическую гибель. Возвращение ЗГВ на территории постсоветских государств привело к краху ГДР, созданию ФРГ и расширению блока НАТО; унижению перед наговцами Советской Армии, которая через две чеченские войны, оказание военной помощи Сирии стала возвращать славные боевые традиции Суворова, Кутузова, Брусилова, Фрунзе, Ефремова, Панфилова, Рокоссовского, Жукова, и др.

Список литературы

1. **Бурлаков, М.** Возвращение. Записки. – Союз ЗГВ, Москва. – 1994. – 256 с.
2. **Серов И.А.** Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / Под ред., с коммент. и прим. А.Хинштейна / И.А. Серов. – М.: Абрис, 2017. – 704 с.
3. **Самойлов, В.Д.** Совершенствование системы высшего образования офицеров Вооружённых Сил Российской Федерации: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2002. – 534 с.
4. **Самойлов, В.Д.** Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики: монография. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 170 с.
5. **Горбачёв, М.С.** Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. – М.: Политиздат, 1988. – 285 с.
6. **Самойлов, В.Д., Серяков, В.Д.** К вопросу о фальсификации истории 2-й Мировой войны: военно-педагогические и социально-антропологические аспекты // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. – С. 29 – 34.
7. **Самойлов, В.Д.** Антология военно-патриотического служения России: монография. – М.: ООО РПК «Ваш формат», 2019. – 222 с.
8. **Самойлов, В.Д.** Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 5. – С. 60 – 63.
9. **Самойлов, В.Д.** О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. 2002. № 6. – С. 76 – 78.
10. **Самойлов, В.Д.** Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей: монография. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 178 с.
11. **Самойлов, В.Д.** Педагогическая антропология: учебник для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013 (2019). – 271 с.
12. **Самойлов, В.Д.** Информационная безопасность в системе высшего образования России (компетентностный подход в подготовке специалистов): монография. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 162 с.

**THE MEANING AND SIGNIFICANCE OF TELEVISION FOR MODERN RUSSIAN
SOCIETY (EXPERIENCE OF UNDERSTANDING THE RESULTS OF THE
AUTHOR'S RESEARCH OF THE TV AUDIENCE)**

**СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛЕАУДИТОРИИ)**

Tatiana Vladimirovna Popova,
candidate of law, associate Professor, Assistant to the head of the Academy (international cooperation) -
head of the international cooperation group of the Academy of Management of the Ministry of internal Affairs of Russia

Татьяна Владимировна Попова,
кандидат юридических наук, доцент, помощник начальника академии (по международному сотрудничеству) –
руководитель группы международного сотрудничества Академии управления МВД России

Для цитирования: Т. В. Попова. Смысл и значение телевидения для современного российского общества (опыт осмысления результатов авторского исследования телеаудитории). // Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020. Стр. 35-39.

Научная специальность: 09.00.11 – социальная философия

Annotation. This publication is based on a rich empirical material obtained in the course of the author's research "Extremism as an effect of TV dysfunctionality in a transforming Russian society". The timeliness and necessity of this kind of research is due to the need for a philosophical understanding of the functioning of television as one of the most essential attributes of not only the communication system of society, but also of the entire modern globalizing society.

Keyword: television, values, communication, impact on mass consciousness, consumer culture

Аннотация. Настоящая публикация опирается на богатый эмпирический материал, полученный в ходе авторского исследования «Экстремизм как эффект дисфункциональности телевидения в трансформирующемся российском обществе». Своевременность и необходимость подобного рода исследования обусловлена потребностью философского осмысления функционирования телевидения как одного из наиболее существенных атрибутов не только коммуникционной системы социума, но и всего современного глобализирующегося общества.

Ключевые слова: телевидение, ценности, коммуникация, воздействие на массовое сознание, культура потребления

Согласно концепции, М. Вебера, дифференцировать человеческие действия представляется возможным посредством понятия «смысла» (т. к. личность придает, либо не придает своим действиям определенный смысл).

В основе дифференциации социальных действий у Вебера, как и В. Парето, критерий осмысленности: рациональное / иррациональное (аффективное). Выделяя четыре вида социальных действий, Вебер фактически противопоставляет целерациональное и аффективное действие.

В первом случае, личность осознает цели, мотивы и последствия своих поступков (например, построение карьеры), не подчиняясь страстям и эмоциям.

Во втором случае, страсть, аффект, сильный душевный порыв определяют характер и направленность человеческих действий, разум в этом случае бывает, как правило, «отключен». И, действительно, вследствие просмотра определенных теле-

визионных передач у массовой аудитории возникают состояния растерянности перед неожиданным событием, душевный подъем и энтузиазм, раздражение на окружающих, подавленное состояние и меланхолия¹. Именно так телевидение способствует генезису и развитию нелогического, аффективного действия у части своей аудитории.

Однако, как известно, такая ситуация является оптимальной для начального периода криминализации, так как человек, не контролируя себя в полной мере, подчиняясь душевным порывам, может попадать под влияние преступного мира, в том числе – и экстремистов.

Совершенные правонарушения в состоянии аффекта, гипертрофированная реакция на оскорбление, агрессивный взгляд, жест, может сломать жизнь человеку, привести его мир криминалитета.

При этом трансформация от состояния законопослушности до состояния преступника может быть очень быстрой и виной тому не-

редко оказывается телевидение, деформировавшее сознание людей. Несмотря на то, что аффектам в значительной мере подвержена молодежь, в силу особых социально-возрастных и социально-психологических характеристик, остальные члены общества также могут быть подвержены описанным нами рискам.

Детальный анализ специфики «внезапно-го» перехода от правопослушности к правонарушению, а шире – от нормальности к девиации и делинквентности, содержится в работах классиков психоаналитического направления – З. Фрейда и К.Г. Юнга.

З. Фрейд воспринимал личность человека как сложное структурное образование, где сознательное сосуществует с бессознательным, а рациональное с иррациональным началом. Такая природа человеческой личности связана с тем, что инстинкты и естественные потребности, вследствие которых люди и сохраняют сходство с животным миром, вследствие процессов социализации и инкультурации сублимируются, «маскируются» под культурно-образовательной «маской».

Современное общество, прежде всего, его соционормативная система (нормы, санкции, запреты, репрессивность, жесткий контроль и т. п.) подавляют влечения человека, в первую очередь, сексуального характера, и ведут к отчуждению, неудовлетворенности, деформации сознания, психическим расстройствам и т. д. Фрейд обращал внимание на два инстинкта, движущих поведением человека: инстинкт самосохранения и сексуальный инстинкт (либидо). Бессознательное, по Фрейду, – это сфера, насыщенная энергией либидо – слепого инстинкта, не знающего ничего, кроме принципа удовольствия, который человек испытывает, когда эта энергия разряжается².

Согласно мнению К.Г. Юнга, у современного человека наблюдается неразрывная взаимосвязь с его древними предками, их варварским, агрессивным стилем и образом жизни. Это, по мнению исследователя, косвенно подтверждает сложная структура человеческой психики, включающей в себя несколько уровней бессознательного: индивидуальное, семейное, групповое, национальное, расовое и коллективное бессознательное, которое включает в себя универсальные для всех времён и культур архетипы. Именно ар-

хетип представляет собой врожденные психические структуры, посредством которых осуществляется передача основ коллективного бессознательного. Юнг полагал, что существует определённая наследуемая структура психики, развивавшаяся сотни тысяч лет, которая заставляет людей переживать и реализовывать жизненный опыт (свойственный еще древнейшим предкам), социально-мифологические конструкции определённым образом, неким алгоритмическим действием. Архетипы влияют на мысли, чувства, поступки людей, не позволяя им утратить неразрывную связь с «дикарским прошлым» и соответствующими «дикарскими состояниями души»³.

Несмотря на определенную спорность концептуальных положений классиков психоанализа, они могут быть рассмотрены в качестве методологической основы влияния агрессивных, деструктивных, антикультурных телевизионных передач на сознание людей.

Согласно мнению Фрейда и Юнга. Такие действия телевидения как элемента системы массовой коммуникации способствуют снятию регулирующих механизмов социума, что априори обостряет социальную обстановку, способствует «выходку на поверхность» тех страстей, инстинктов, эмоций, которые общество подавляет в целях сохранения своей стабильности. Подобные страсти, выходя на первый план, оказывают «косвенную помощь» экстремизму как антисоциальному феномену, прежде всего, – в плане снятия барьеров: моральных, нравственных, аксиологических, идеологических.

Э. Фромм, действуя в русле концепции психоанализа, подверг исследованию социокультурные, цивилизационные основы современного ему технологизирующегося общества. Главной чертой нового социума, по его мнению, выступает стремление к индивидуальности, которое, в свою очередь, ведёт к одиночеству, ощущению своей ничтожности и бессилия. Ведущей установкой современного человека выступает обладание материальными благами, вместе с тем будущее – за установкой на бытие. Именно поэтому необходим переход от потребительского общества к здоровому, нормальному обществу, основанному на господстве идеалов гуманизма⁴.

В этой связи невроты являются симптомами морального поражения человека в его жизнедеятельности, в том числе в борьбе за свободу. Невроз можно понять как неудачную попытку разрешения конфликта между непреодолимой внутренней зависимостью и стремлением к свободе, конфликта, который имеет моральную подоплёку. Во многих случаях невротические симптомы суть конкретное выражение морального конфликта⁵.

По мнению Э. Фромма, необходимо различать у человека два совершенно разных вида агрессии. Первый вид, общий и для человека, и для всех животных, – это филогенетически заложенный импульс к атаке (или к бегству) в ситуации, когда возникает угроза жизни.

Эта оборонительная «доброкачественная» агрессия служит делу выживания индивида и рода; она имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность. Другой вид представляет «злокачественная» агрессия – это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и практически отсутствуют у других млекопитающих; она не имеет филогенетической программы, не служит биологическому приспособлению и не имеет никакой цели.

Однако что возьмет верх в человеке – любовь или жажда разрушения, – в значительной мере зависит от социальных условий; эти условия влияют на биологически заданную экзистенциальную ситуацию и возникающие в связи с этим потребности⁶.

Становится очевидным, что в отличие от классиков психоанализа, Э. Фромм идет несколько дальше в объяснении природы человеческой агрессии, алогичного действия. Исследователь убежден, что основной причиной сложившейся ситуации выступает кризисное состояние даже не общества – цивилизации. Именно «внешний» по отношению к действующему социальному актору контекст и видится Э. Фромму губительным. Однако, в современном российском обществе данный контекст отождествляется с индустрией массовой культуры, в которую тесным образом интегрировано российское телевидение. Именно в этом и проявляются основные опасности, так как прекращение негативного влияния телевидения в виде агрессивных, антисоциальных, асоциальных трансляций

не представляется возможным, ибо они приносят прибыль, что обладает первостепенной важностью в современном массовом потребительском обществе.

В целях верификации теоретической информации по проблеме радикализма и экстремизма телевизионной аудитории, нами была проведена серия глубинных интервью (качественная методология социально-философского анализа). Респонденты были дифференцированы на две возрастные группы (от 16 до 25 лет) и (26-45 лет). Общее число опрошенных – 16 человек. Метод отбора участников исследования – снежный ком. Сроки проведения: апрель-июнь 2016 года. В результате обработки стенограмм дискуссий нами были получены следующие выводы:

Как Вы воспринимаете реали- и ток-шоу? Смотрите ли подобные передачи?

Как показало проведенное исследование, мнения респондентов существенно отличаются в зависимости от их возраста. Так, участники исследования младшей возрастной группы, в большинстве своем хоть иногда, но смотрят подобные передачи, так как «они прикольные».

Основной мотив молодежи: «жизнь – это серые будни, а эти передачи позволяют развлечься, выпустить пар». Кроме того, упоминался и мотив социального научения: «смотришь на этих гоблинов и сам не совершаешь такие ошибки, поэтому мне родители никогда не запрещали это смотреть; вот участвовать – это другое дело». В более старшей возрастной группе наблюдается устойчиво отрицательное отношение большинства респондентов к подобным передачам, так как они «для прыщавых малолеток, любящих ... по ночам». Негатив участников исследования вызывает постановочный, неискренний характер этих шоу: «Вы на рожи эти посмотрите. Они играют, причем очень ...». Также беспокойство вызывает гипертрофированная, «ненастоящая» российская действительность, оказывающаяся в центре внимания телевидения в этом случае: «откуда, из какого унитаза, этих ... понабирали. А все думают, что так выглядит обычный россиянин. Мы начинаем друг друга полными уродами считать из-за этих передач». Однако некоторые участники исследования из более старшей возрастной группы указывали, что не могут объяснить природу своего толерантного отношения к подобным передачам: «Не могу понять почему. Но иногда хочется отвлечься и посмотреть

эту ... Она меня почему-то расслабляет, не могу объяснить, почему...»

Как Вы относитесь к реалити-шоу «Дом/Дом-2»?

В результате проведенного исследования выяснилось, что большинство опрошенных декларируют негативное отношение к данному телевизионному проекту. Однако почему-то периодически смотрят его, знают ведущих, наиболее одиозных героев. Некоторые из опрошенных даже признавались, что хотели бы попасть на шоу, чтобы «навести там шороху, постоять за всех нормальных мужиков». Как иногда отмечали респонденты, «здесь собираются типичные гопники и гопницы со всей России, поэтому периодически возникает желание приехать туда и пострелять их ...». Часть участников исследования справедливо указывала на то, что «вся Россия такая, оглянитесь вокруг», имея в виду общий кризис системы культуры. Проведенное исследование продемонстрировало. Что данное телешоу выступает негативным раздражителем людей, особенно вызывая острые переживания в молодежной среде. Эффектами подобных передач вполне могут быть радикализм и экстремпарантность аудитории.

Какие ценности передаются при помощи реалити- и ток-шоу?

Как показали результаты проведенного анализа, подавляющее большинство опрошенных убеждены, что такие шоу транслируют отрицательные ценности. В этой связи влияние подобных передач на людей является деструктивным, в особенности – на подрастающее поколение. В частности, респонденты озвучивали следующие ценности: «Главное в жизни – быть богатым и наглым, остальное – море по колено»; «дуракам закон не писан»; «если ты накачанный бычок с тупым выражением лица – ты хозяин мира»; «можно ... в прямом эфире и вся страна будет за этим смотреть. И ты хорош, и те, кто тебя смотрят – не лучше».

Однако, когда участников исследования спросили о том, какие методы противодействия подобным деструктивным явлениям они могли бы предложить, подавляющее большинство из них не только не высказалось в конструктивном ключе, но и, напротив, продемонстрировали толерантность к подобным программам, у которых «тоже

есть свой зритель, права которого нужно уважать». Основной лейтмотив высказываний респондентов был в том, чтобы не мешать части населения удовлетворять свои информационные потребности, пусть даже низменные. Пожелания были лишь: «перенести на более позднее время»; «ограничить доступ детей и подростков».

Как Вы относитесь к криминальным хроникам на телевидении? Смотрите ли Вы подобные передачи?

Глубинные интервью показали, что большинство опрошенных смотрят подобные программы, хоть и не часто (по их признанию), но «внимательно». Такой интерес у опрошенных объясняется тем, что «без такой информации просто не выжить в нынешней криминальной России». Лишь некоторые респонденты обратили внимание на существование «порочного круга»: чем больше мы интересуемся такими программами, тем больше их будут выпускать, все – ради денег!».

Некоторые участники исследования, проявив проницательность, указывали, что «эти передачи используют наши слабости, страхи, предрассудки, на этом они и зарабатывают свои миллионы».

Как Вы относитесь к криминальным сериалам?

Как показало проведенное эмпирическое исследование, мнения респондентов разделились при ответе на данный вопрос. Та часть опрошенных, кто смотрит подобные сериалы, не видят ничего плохого в этом. «Это напоминает дешевые версии компьютерных игр, во всяком случае лично для меня – так, тупое времяпрепровождение, но без него я не могу». Часть участников исследования даже отмечали высокие «художественные качества» подобных сериалов, а также положительные возможности толкования образов отрицательных героев.

Большинство респондентов все же критично относятся к таким сериалам. Типичными комментариями участников были следующие. «Это просто банальная, низкопробная массовая культура, ради заработка бабок»; «все это – продукт Запада, который активно транслируется нашим телевидением»; «это культура, ориентированная на массовое потребление неумной и неразвитой частью российского населения. Чем больше в стране дебилов – тем им лучше, доходность, ..., растет».

Как показало проведенное эмпирическое

исследование, значительный сегмент ответов опрошенных фиксирует негативные, деструктивные реакции, ощущения людей после просмотра ток-, реалити-шоу, а также криминальных сериалов, фильмов и т. п. Респонденты в своих умозаключениях выдвигают наличие взаимосвязи между заинтересованными в подобных трансляциях акторами и людьми, которые, в силу своей природы, подвержены влиянию деструкции, различных страстей, например, также, как алкоголя, наркотиков, «игромании» и т. п.

Самое опасное, на наш взгляд, в том, что качественный анализ показало наличие механизмов «заражения» негативным телевизионным контентом части опрошенных. У них после просмотра подобных программ наблюдается неконтролируемое аффективное поведение, повышенная возбудимость, беспричинное озлобление и т. п. Кроме того, многие респонденты указывали, что негативный телевизионный контент «заразен, как наркотик», поясняли, что у них возникает неосознанная зависимость, тяга к просмотру подобных программ. Здесь срабатывает психоаналитический эффект: человек на уровне сознания осознает пагубность для себя подобного телевизионного контента, но на бессознательном уровне все равно демонстрирует тягу к нему. «Ничего не могу с собой сделать, все надо мной смеются, а я все равно это смотрю».

Часть опрошенных в ходе исследования обвиняла правящие элиты в сознательном «насаждении» подобных программ. Это – весьма опасный тренд в массовом сознании жителей современной России, на который целесообразно обратить внимание управленческим структурам с целью его преодоления. Вот только часть типичных высказываний респондентов: «Эта продукция, если можно так выразиться, она оглушает сознание людей, делает их похожими на скот, варваров», «этим правительство нам промывает мозги»,

«зомбируют население, все они прекрасно понимают, кто за этим стоит».

Таким образом, в последние годы телевидение, находясь под влиянием ряда факторов внешней и внутренней среды своего функционирования, стало характеризоваться дисфункциональным содержанием своего контента, что сказалось на характере, качестве, смысловых акцентах телевизионных передач. Произошла фактическая подмена функций телевидения в обществе начала XXI в. Вместо того, чтобы беспристрастно информировать людей, осуществлять обзорное окружение мира, передавать культурное и социальное наследие, просвещать и воспитывать людей, телевидение, подчиняясь диктату индустрии культуры и желанию политических, экономических, культурных элит в корне переориентировало редакционную политику.

Список литературы

1. Бакулев, Г. П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции. М., 2005.
2. Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко; коммент. А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990.
3. Фрейд, З. Введение в психоанализ. СПб., 1999.
4. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2007.
5. Юнг, К. Г. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб., 1994.

¹ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко; коммент. А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990.

² Фрейд З. Введение в психоанализ. СПб., 1999.

³ Юнг К. Г. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб., 1994.

⁴ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2007.

⁵ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2007.

⁶ Там же.

AESTHETIC AND ETHICAL MEANINGS OF AN ORTHODOX CHURCH

ЭСТЕТИКО-ЭТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА

Lyudmila Vasilievna Molodkina,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the State University of Land Management, Dean of the Faculty for Retraining of Specialists with Higher Education GUZ, Moscow

Людмила Васильевна Молодкина,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного Университета по Землеустройству, декан факультета по переподготовке специалистов с высшим образованием ГУЗ, Москва

Для цитирования: Л.В. Молодкина. Эстетико-этические смыслы православного храма. // Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020. Стр. 40-43.

Annotation. This article attempts to analyze the aesthetic and moral dimensions of such a unique phenomenon as the Orthodox church. The author uses the philosophical and theological judgments of the Russian religious thinker Pavel Florensky on the synthesis of arts.

Key words: Orthodox church, synthesis of arts, aesthetics, educational function, work of art

Аннотация. В данной статье осуществлена попытка проанализировать эстетические и морально-нравственные измерения такого уникального явления, как православный храм. Автором используются философско-теологические суждения русского религиозного мыслителя Павла Флоренского о синтезе искусств.

Ключевые слова: православный храм, синтез искусств, эстетика, воспитательная функция, произведение искусства

Тему православного храма можно раскрывать с различных сторон. Для верующего человека с храмом как местом неба на земле связано многое. В церкви каждый "встречается" с Богом и ведет с ним «разговор», божественно-сокровенную, «личную беседу» в минуты скорби и радости. Под церковными сводами вкушают Хлеб Жизни и освобождают душу от власти греха. Здесь получают Божье благословение на брак и служение ближним; молятся друг о друге и тогда, когда смерть разлучила с близкими. У Бога все живы — так говорит православное учение, и именно в храме — Доме Божьем — происходит собрание живых и усопших, живое общение, беседа, живая коммуникация людей и небожителей.

Но какими реальными средствами это достигается? Какова прикладная, вещественно-материальная структура этого, наверно, самого глубокого духовного, психофизиологического процесса, формирующего внутренний, имманентно-эмоциональный мир человека, вносящего порой существенные коррективы в его индивидуально-личностную среду, чаще всего меняя ее в лучшую сторону? Христианство как религия единобожная потребовало особого внутреннего пространства, насыщенного художественно-эстетическим содержанием интерьера,

архитектурной обители. Для чего? Для церемониала, для культового действия. Храм в качестве обители со всем его материально-атрибутивным наполнением, создающим особую духовную атмосферу, тончайший психологический континуум, является, пожалуй, главным Воспитателем Человечества.

Как мощнейший духовный камертон всех времен храмовое пространство принимало и принимает всех и вся под свои своды, помогая очистить человеческую духовную квинтэссенцию от всего наносного, скверного, ненужного, вредоносного.

Храмовая обитель представляется как своего рода духовный, морально-нравственный «фильтр», могущий пропустить сквозь себя все пороки человечества, осветлить человека. Это значит помочь ему, Человеку, обрести Согласие, Гармонию с миром и с самим собой. А гармония, как известно, это эстетическая категория.

Еще великий Платон уверял в том, что гармония есть согласие, порядок всех составных частей чего-либо. И не важно, что понимать под этим «что-либо» - предмет, событие, поступок, явление, произведение искусства или душевное состояние, мысль, эмоцию. Если есть гармония, значит есть согласие, порядок, и значит, есть Красота, Прекрасное. У многих мыслителей прошлого и

настоящего эстетические понятия «красота», «прекрасное» ассоциировались и ассоциируются с божественной красотой, придавая ей некие абсолютные черты, недостижимость божественного Демиурга, Творца, «Зодчего Вселенной» (Иммануил Кант).

Эстетика как теория прекрасного имеет самое непосредственное отношение к теологии как науке о Всевышнем. Такие понятия, как богословская эстетика, эстетика храма, эстетика богослужения, эстетика песнопения, эстетика иконы, эстетика церковного ораторского искусства и др. очень прочно и плотно вписываются в единую духовно-познавательную теорию и теологическую практику.

Великий средневековый схоласт Фома Аквинский с университетской кафедры рассуждал о том, что Бога нужно не только любить, но и разуместь, то есть понимать, а это шире, нежели только любовь. В таком непросто психологически-плотском процессе задействованы чувства человека, его эмоции, а также понятийно-логический аппарат: понятия, суждения, умозаключения.

Сопоставление эстетических и теологических категорий дает основание утверждать, что в процессе сближения человека с божественным бытием огромнейшую роль играли и играют различные искусства. Искусство всегда было особой, своеобразной формой познания действительности.

Оно давало и дает человеку возможность не только получать эстетическое удовольствие от созерцания художественного произведения, сопереживать вместе с автором и его персонажами, рассуждать с точки зрения «нравится - не нравится». Искусство заставляет задуматься, размышлять особым образом, не так, как это делает наука, исключая любые субъективно-эмоциональные и эстетико-вкусовые предпочтения.

Эстетические и чисто художественные вещественные атрибуты храма, являющиеся его бессменными составляющими, - сам храм как архитектурное сооружение, возведенное по определенным конструктивным канонам, икона как символ Бога, фреска, мозаика, алтарная живопись скульптурные изваяния святых, песнопение, церковное ораторское

искусство, одяние церковнослужителей и др., - словно "помогают" пришедшим под храмовые своды верующим и неверующим своим художественно-образным содержанием, высоким семантическим смыслом приблизиться к вечной истине и обрести Гармонию.

Различные произведения искусства, вставленные в архитектурно-храмовую обитель и являющиеся ее естественными, неотъемлемыми атрибутами благодаря своему блеску, яркости, высокой художественно-образной системе сочетания различных эстетических категорий ритма, пропорциональности, симметрии, ассиметрии, света, тени, звука и т.д., - тончайшим и искуснейшим образом привлекают под своды Храма человека, чувственно и мысленно сближая его с вечностью Демиурга. Эстетическое оформление храма, его художественно-образный смысл существенно расширяют и углубляют важнейшую функцию христианской религии — нравственно-воспитательную, нацеливающую человека на Великое Делание Добра и Красоты. Такой человек способен не только чувствовать доброе и злое, прекрасное и безобразное, но и глубоко понимать, объяснять и осознавать различия между ними, производить зачастую тщательный этический анализ тех или иных деяний и поступков. Недоброе не может быть прекрасным, и прекрасное не может быть недобрим.

В контексте этих рассуждений на память приходят поистине гениальные мысли русского религиозного философа Павла Флоренского о том, что «храмово действо» основано на синтезе искусств.

В работе "Храмовое действо как синтез искусств" Флоренский делится своими размышлениями о важности сохранения Троице-Сергиевой Лавры как "живого музея русской культуры вообще и русского искусства в особенности". Он предлагает создать систему целого ряда научных и учебных учреждений с целью "осуществить верховный синтез искусств, о котором столько мечтает новейшая эстетика".

С точки зрения мыслителя, Лавра должна стать своеобразной лабораторией, способствующей изучению важнейших проблем

современной эстетики. Флоренский был уверен, что теоретические исследования художественных, морально-нравственных вопросов церковного искусства можно было бы осуществлять в ней на базе реально функционировавшего подлинного эстетического феномена.

Рассуждая о самостоятельно существующем церковном музее, оторванном от практической деятельности, философ называл его «делом ложным», ибо предмет искусства необходимо понимать, как вечно живую, никогда не иссякающую, вечно бьющую струю творчества, как пульсирующую деятельность художника-творца, хотя и отодвинутую историческим временем и пространством. Художественное произведение, оторванное от конкретных условий своего художественного бытия, помещенное в «мертвый» музей, по глубокому убеждению, отца Павла, умирает, перестает восприниматься, а порою и существовать как художественный феномен.

Происходит уничтожение художественного произведения как живого явления; оно понимается как вещь, которую можно перемещать сколь угодно из одного места в другое. В качестве иллюстрации своей мысли о необходимости "живого музея" Флоренский использует идеи П.П.Муратова из книги "Образы Италии».

Для античной скульптуры музей более гибелен, нежели картинная галерея для живописи эпохи Возрождения, полагал П.П.Муратов, предпочитая для всего античного искусства честное умирание от времени и от руки природы, чем летаргический сон в музее. Флоренский развивает эти суждения П.П.Муратова применительно к русскому церковному искусству в своем докладе "Храмовое действо как синтез искусств".

Он говорит о "предусловиях художественности", напоминая, что для эстетического явления картины или скульптуры также необходим свет, как и для музыки - тишина, а для архитектуры — пространство. Эти "предусловия художественности" являются органическими составляющими целостного художественного произведения. Их несоблюдение создает неблагоприятные условия восприятия художественного произведения и

ведет к уничтожению эстетического феномена как такового.

Картина, написанная для освещения белым светом, может быть уничтожена как эстетический феномен в случае освещения ее красным или иным, неподобающим для нее светом. Последнее в полной мере можно отнести и к церковному искусству.

Икона как самостоятельная вещь вне храма может быть рассмотрена только в силу эстетического недомыслия, считал Флоренский. Перенесение иконы из храма в музей или художественный салон отрывает ее от целостного организма храмового действия как синтеза искусств.

Только в духовно-сакральном, эстетическом континууме храма икона имеет свой подлинный художественный смысл. Для художественного бытия иконы необходимо то освещение, для которого и при котором она была создана, то есть, смешанное искусственное освещение, а именно: неровный, мигающий, трепетный свет лампы и проходящие через цветное стекло пучки внешнего света.

Написанная в полутемной келье икона оживает только в подобных же условиях, она мертва и искажается в равномерном и сильном освещении музея. Электрический свет как «условие отрицательное» убивает расцветку икон и нарушает равновесие цветовых масс. Колоритный примитивизм иконы, обильное присутствие на ней золота и самоцветов, шитые жемчугом бархатные и парчовые пелены - все это рассчитано на церковное освещение, позволяющее пришедшему в храм усмотреть в ликах святых "живые явления иного мира". В храме мы стоим перед платоновским миром идей, в музее же мы видим не иконы, а шаржи на них. Таково философско-эстетическое умозаключение, сделанное Павлом Флоренским.

Синтез храмового действия предполагает и наличие тончайшей голубой завесы фимиама. Этот эффект "материализованной атмосферы, видимой взору", учитывался творцами церковного искусства, ибо "искусство дыма", растворенного в воздухе, было заранее предусмотрено творцами росписей и икон как средство смягчения и углубления воздушной перспективы. Если имеются "условия отри-

цательные" для церковного искусства, то среди них главным и основным является электрический свет, убивающий расцветку икон и нарушающий равновесие цветовых масс.

К "положительным условиям" храмового действия Флоренский относит храмовую архитектуру, пластику и ритм движений священнослужителей, игру складок драгоценных тканей, запах благовоний, тысячи горящих огней лампад и свечей. В круг храмового действия включаются также вокальное искусство и поэзия, отчего, с позиций эстетики, это действие можно определить, как музыкальную драму.

Флоренский приходит к "выводу, что "автономная плоскость искусства" храмового действия включает помимо архитектуры и иконописи искусство огня, искусство дыма, искусство запаха, искусство одежды, искусство древнего распевного церковного чтения, искусство своеобразной церковной хореографии, проступающей в размерности церковных движений, и, наконец, даже искусство печения единственных в мире троицких просфор, а также ритуал прикосновения к иконам и различным священным вещам.

Устранив все это, пишет Флоренский, мы не сможем говорить о Лавре "как о целостном художественно-историческом един-

ственном в своем роде мировом памятнике, требующем бесконечного внимания и бесконечной бережности к себе". "Лавра есть художественный портрет России в ее целом", это осуществление или явление русской идеи, от самого своего основания Лавра стала очагом литературной деятельности, издательского дела, просветительного воздействия, хранильницей драгоценного собрания рукописей. Она объединила "в жизненном единстве все стороны русской жизни".

Храмовое действие - это то, что мы можем видеть, когда входим в действующий храм. Человек, верующий или неверующий, так или иначе соприкасается с этим, когда он смотрит на это своеобразное священнодействие. Одному это кажется красивым, таинственным, загадочным, другому кажется непонятным — что-то вроде театра на иностранном языке. Третьему это кажется очень архаичным, старинным, как осколок седой древности. Быть может, каждый по-своему здесь прав.

Список литературы

1. **Флоренский П.А.** Сочинения в 4-х томах. Том 2. Серия "Философское наследие", М.: Мысль, 1996. С.370.
2. **Муратов П.П.** Образы Италии. М.- Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 934.

**RUSSIAN CONSTITUTIONALISM:
THEORETICAL PROJECTS AND HISTORICAL REALITIES
PART 2: PROBLEMS OF THE PAST**

**РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
ЧАСТЬ 2: ПРОБЛЕМЫ ПРОШЛОГО**

Prepared for publication (comp. and ed.):
V.Yu. Belsky, P.P. Marchenya, S.Yu. Razin

Подготовили к публикации (сост. и ред.):
В.Ю. Бельский, П.П. Марченя, С.Ю. Разин

Sergey Vasilievich AVDEEV,
Central Research Institute or Machine Building
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Сергей Васильевич АВДЕЕВ,
Центральный научно-исследовательский
институт машиностроения
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Mikhail Borisovich AVERIN,
All-Russian State University of Justice
E-mail: averin.mb@yandex.ru

Михаил Борисович АВЕРИН,
Всероссийский государственный университет юстиции
E-mail: averin.mb@yandex.ru

Vladimir Valentinovich BABASHKIN,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Владимир Валентинович БАБАШКИН,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Vitaly Yuryevich BELSKY,
Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Виталий Юрьевич БЕЛЬСКИЙ,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Vladimir Prokhorovich BULDAKOV,
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
E-mail: kuroneko@list.ru

Владимир Прохорович БУЛДАКОВ,
Институт российской истории РАН
E-mail: kuroneko@list.ru

Vadim Alexandrovich DEMIN,
Institute of Russian History, RAS
E-mail: vadime_demine@mail.ru

Вадим Александрович ДЕМИН,
Институт российской истории РАН
E-mail: vadime_demine@mail.ru

Andrey Dmitrievich ZHILKIN,
Constitutional Reform Fund
E-mail: zhilkin@rfcr.ru

Андрей Дмитриевич ЖИЛКИН,
Фонд конституционных реформ
E-mail: zhilkin@rfcr.ru

Andrey L'vovich. ZOLKIN,
Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: az20042004@mail.ru

Андрей Львович ЗОЛКИН,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: az20042004@mail.ru

Mikhail Alexandrovich KRASNOV,
Higher School of Economics
E-mail: krasnov.makmak@yandex.ru

Михаил Александрович КРАСНОВ,
Высшая школа экономики
E-mail: krasnov.makmak@yandex.ru

Grigory Nikolaevich LANSKOY,
Russian State University for the Humanities
E-mail: gri_lanskoi@list.ru

Григорий Николаевич ЛАНСКОЙ,
Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: gri_lanskoi@list.ru

Vladimir Anatolyevich LEPEKHIN,
EAEU Institute
E-mail: vlepchin2015@yandex.ru

Владимир Анатольевич Лепехин,
Институт ЕАЭС
E-mail: vlepchin2015@yandex.ru

Pavel Petrovich MARCHENYA,
Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: marchenya@gmail.com

Павел Петрович МАРЧЕНЯ,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Andrey Nikolaevich MEDUSHEVSKY,
Higher School of Economics
E-mail: amedushevsky@mail.ru

Андрей Николаевич МЕДУШЕВСКИЙ,
Высшая школа экономики
E-mail: amedushevsky@mail.ru

Valery Borisovich PERKHAVKO,
Institute of Russian History, RAS
E-mail: perkhavko@gmail.com

Валерий Борисович ПЕРХАВКО,
Институт российской истории РАН
E-mail: perkhavko@gmail.com

Sergey Yurievich RAZIN,
Metropolitan College of Business
E-mail: razin_serger@mail.ru

Сергей Юрьевич РАЗИН,
Столичный бизнес-колледж
E-mail: razin_serger@mail.ru

Victor Leonidovich SHEINIS,
Institute of World Economy and International Relations, RAS
E-mail: sheynis31@gmail.com

Виктор Леонидович Шейнис,
Институт мировой экономики и
международных отношений РАН
E-mail: sheynis31@gmail.com

Alexander Vladlenovich SHUBIN,
Institute of World History, RAS
E-mail: historian905@gmail.com

Александр Владленович Шубин,
Институт всеобщей истории РАН
E-mail: historian905@gmail.com

Для цитирования: Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии: Часть 2: Проблемы прошлого. // Социально-гуманитарное обозрение. 1/2020. Стр. 44-64.

Annotation. In December 2018, an interdepartmental Round Table “Russian Constitutionalism: Theoretical Projects and Historical Realities” was held at the Russian State University for the Humanities. The focus of the participants in the interdisciplinary discussion, which was attended by 17 Russian scientists (historians, lawyers, philosophers, political scientists, etc.), was the problem of understanding the place and role of constitutionalism and parliamentarism as factors of particular importance in the context of systemic crises of Russian history.

Key words: Constitution, constitutionalism, constitutional reform, parliament, parliamentarism, State Duma, revolution, power, mass consciousness

Аннотация. В декабре 2018 г. в Российском государственном гуманитарном университете состоялся межведомственный круглый стол «Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии». В центре внимания участников междисциплинарной дискуссии, в которой приняли участие 17 российских ученых (историков, юристов, философов, политологов и др.), находились проблемы осмысления места и роли конституционализма и парламентаризма как факторов, имеющих особое значение в контексте системных кризисов отечественной истории.

Ключевые слова: Конституция, конституционализм, конституционная реформа, парламент, парламентаризм, Государственная дума, революция, власть, массовое сознание

(Продолжение. Начало в № 4-2019)

...В.А. Дёмин. Я являюсь специалистом по истории России начала XX в. и, в меньшей степени, истории общественной мысли в Российской империи. Поэтому сосредоточусь на соответствующих сюжетах.

И сразу начну с основного тезиса: при ответе на вопросы. Виктор Леонидович [Шейнис] четко показал, что при разработке современной Конституции исторический опыт России не рассматривался, а рассматривался зарубежный опыт и его применение к российским условиям. Вот абсолютно также обстояло дело и с российским конституционализмом XVIII – начала XX вв.

Историю российского конституционализма начинают с 1730 г., когда, как известно, был разработан целый ряд проектов ограничения правительственной власти в пользу дворянско-бюрократического общества. В последующем, в XVIII в., был составлен еще ряд проектов (не в форме конкретного текста, а в плане обоснования необходимости преобразований). Наиболее радикальным был проект профессора Московского университета С.Е. Десницкого, который вообще проектировал формально совещательный парламент, а фактически – ультрапарламентаризм. Предполагалось передать непосредственно парламенту контроль над администрацией и правосудием и сделать его председателя фактическим главой исполнительной власти, на основании докладов которого император и должен был принимать решение. Были различные другие идеи в XVIII в. (кн. М.М. Щербатова и пр.). Были идеи графа Н.И. Панина... У них у всех наблюдается такая закономерность: все раз-

работчики этих идей либо длительное время жили за границей, либо активно изучали западный опыт.

Показательно, что в работах конституционных идеологов XVIII – первой четверти XIX вв. нет ни одной ссылки на Земские соборы и нет рассуждений о них. Казалось бы, если речь идет о середине XVIII в., прошло не так много времени с момента окончания созыва Земских соборов, но, тем не менее, соответствующий опыт уже забыт и полностью отброшен. Первые ссылки на Земские соборы появляются только у славянофилов, но это течение в российском конституционализме является, если называть вещи своими именами, маргинальным.

В то же время очень сильно прослеживается влияние западных идей. В частности, «Кондиции» и другие проекты 1730 г. составлялись главным образом на материалах различных шведских конституций. С.Е. Десницкий, перед тем как составить ультрапарламентарный проект для России, около десяти лет изучал науки в университете Глазго. Если брать XIX в., то в проекте М.М. Сперанского прослеживается явное влияние законов французской Первой империи. Проект Н.Н. Новосильцева тоже составлен по образцу различных зарубежных конституций первой четверти XIX в. Декабристские проекты представляют собой компиляции различных зарубежных проектов. Про идеи западников все понятно. Основные государственные законы Российской империи 1906 г. тоже явно написаны на материалах зарубежных монархических конституций: германской, австрийской и, главным образом, японской. Разумеется, все эти авторы, с разной степенью

успешности, предлагали адаптировать зарубежный опыт к условиям России.

Были, правда, еще во времена Александра II проекты П.А. Валуева, великого князя Константина Николаевича и М.Т. Лорис-Меликова, которые основывались не на западном опыте, а на правительственном строе Российской империи. Но там учитывались главным образом не состояние общества и его традиции, а именно правительственный строй и текущий политический момент.

Также прослеживается еще одна очень интересная закономерность: идеи конституционализма в российском обществе получали распространение тогда, когда элита и/или образованное общество были не довольны существующим правительством или/и порядком. А когда элита и общество были довольны правительством и строем, то эти идеи тут же отступали, так или иначе, на второй план. Также эти идеи получали распространение именно в те эпохи, когда правительство было не уверено в своей политике, когда оно пыталось разработать какие-то реформы, – и вот тогда же различные представители общества желали воздействовать на эти реформы и для этого отстаивали идеи создания народного представительства.

Очень ярко это прослеживается уже с самого начала на событиях 1730 г. Как известно, некоторые стороны реформ Петра Великого не устраивали дворян. И поэтому, когда Верховный тайный совет предложил поиграть в конституционное прожектерство, дворяне активно включились в игру. Но потом, когда они поняли, что свои сословные требования удобнее выполнить через самодержавную императрицу, то прежние конституционалисты тут же подписали петиции о незыблемости самодержавия. И после этого верно служили самодержавной монархии. Политика Елизаветы и Екатерины в общем-то всех устраивала, и поэтому идеи конституционализма не выдвигались. Потом имело место царствование Павла I, которое показало, что монархия может с дворянами не считаться. Затем началась разработка реформ и идеи конституционализма стали распространяться и в бюрократических кругах, и в обществе.

Потом «твердое» царствование Николая I – и никто или почти никто никакими конституциями не занимался. Когда же начались «Великие реформы» – все захотели принять

участие в их разработке и тут же начался подъем популярности идей конституционализма. Как известно, результаты «Великих реформ» оказались в высокой степени противоречивыми и в полной мере никого не устроили. Поэтому уже с конца царствования Александра II, с рубежа 1870–1880-х гг., в российском общественном мнении требование создания представительства становится почти всеобщим. Против выступала только часть консерваторов. Потом, в начале XX в., когда положение в стране совсем перестало по разным причинам устраивать практически всех, то идее перехода к конституции альтернативы не стало.

Но при этом очень интересное наблюдение можно сделать на основе последующих событий: при царе все, так или иначе, – за парламент, за увеличение его полномочий (до русских националистов, то есть до левой части консерваторов включительно), а потом, 1917 г., царя нет – и, как выяснилось, идеи парламентской конституции большой популярности не имеют. На словах они поддерживались лишь кадетами, которые, однако, на деле добивались отсрочки созыва Учредительного собрания и к тому же обладали весьма малой популярностью (на выборах в Собрание они, как известно, получили около 5% голосов). В то же время большевики выступают за Советскую власть. Ее анализ – это специальный вопрос, и поэтому лишь отмечу, что, например, участвующий в нашей дискуссии А.Н. Медушевский определял советский конституционализм как конституционализм номинальный, то есть чисто формальный, к реальному конституционализму отношения не имеющий. И вот большевики выступали за такой конституционализм... Ну а, правые социалисты пытались соединить Советы с парламентаризмом.

Получается, что общественное мнение использовало идеи конституционализма, идеи парламентской конституции, для того чтобы воздействовать на правительство, или для того чтобы отобрать власть у неугодного правительства. Когда же, соответственно, эта задача была решена, то конституция оказалась ненужной.

Таким образом, либеральные идеи и ценности свободы, контроля народа над властью и тому подобные, на которых основывается конституционализм, в России никогда не

имели серьезной поддержки и использовались только ситуативно, как средство политической борьбы.

Современный российский конституционализм этим закономерностям в общем тоже соответствует. Когда нужно было вырвать власть у коммунистов, то все тут же стали сторонниками конституции, разделения властей, сильного парламента, сильного президента и т.д. Когда в 1990-е гг. исполнительная власть была не популярна, то идея разделения властей сохраняла поддержку. Когда же в 2000-е гг. глава государства стал весьма популярен, то тут же оказалось, что эти самые конституционные идеи разделения властей, по большому счету, никому не нужны.

П.П. Марченя. Как историк историка... Вы частично ответили уже на те вопросы, которые я собирался вам задать. Но я все же хотел бы, чтобы – прямо «под запись» – прозвучали конкретные ответы на три конкретных вопроса.

Первый вопрос: был ли такой период в нашей истории, когда конституционализм играл важную и конструктивную роль, или это был в большей степени фактор Смуты и показатель того, что власть слаба и совсем «не та», которой она должна быть для масс?

Второй вопрос, аналогичный: был ли такой период в российской истории, когда парламент был в ней – и для нее – действительно конструктивным фактором?

И третий вопрос: а все-таки, сколько же самобытного и сколько заемного в российском конституционализме?

В.А. Дёмин. Отвечаю по пунктам.

Я думаю, что конституционализм играл конструктивную роль в начале XX в., когда, по моему мнению и по мнению большинства историков, занимающихся этими сюжетами, Россия перешла от абсолютной монархии к начальной стадии конституционной монархии. То есть новая государственная система была основана именно на конституционных идеях. Естественно, они были взяты достаточно ограниченно и далеко не в полной мере, в связи с тем, что имелось в виду осуществить плавный переход от старого строя к новому.

Когда играл парламент конструктивную роль – второй вопрос. Думаю, что в период с 1907 г. (с издания Положения о выборах 3 июня) и до начала Первой мировой войны

(а в большей степени до 1912 г., первые две сессии IV Думы – это был переходный период) Государственная дума, несомненно, играла конструктивную роль и в общем добивалась постепенного обновления страны. В частности, в этот период были во много раз увеличены расходы на начальное образование (и, соответственно, стало быстрыми темпами внедряться всеобщее начальное образование). Земское самоуправление, которое с 1860–1870-х гг. не распространялось, было введено в этот период сразу в 9 губерниях. Было 34 губернии – стало еще 9 губерний. Также в это время было введено условно досрочное освобождение и введен еще целый ряд частных, но существенных преобразований.

Про советский парламент я ничего в этом плане сказать не могу, потому что он был чисто декоративным органом. Ну а про парламент 1990-х гг. и 2000-х гг. рассуждать не буду из-за недостаточной компетентности.

Что касается третьего вопроса, то я уже говорил, что, в принципе, идеи конституционализма были фактически на 100% заимствованы из-за рубежа, но их с той или иной степенью успешности пытались адаптировать к российским реалиям.

С.Ю. Разин. А с какой степенью успешности?

В.А. Дёмин. Тут кратко не ответишь – надо разбирать каждый конституционный проект. Думаю, что в начале XX в. идеи монархического конституционализма были адаптированы достаточно успешно, и их неудача была вызвана не ими самими, а очень тяжелым положением в стране и ошибками власти в текущей политике.

П.П. Марченя. Вадим Александрович, вот получается, что и конституционализм, и парламентаризм с парламентом сыграли конструктивную роль только в начале XX в. Но вот правда потом это кончилось целым рядом социальных катаклизмов, и традиционная российская государственность была уничтожена. Это как-то связано, или это случайно?

В.А. Дёмин. Разумеется, связано. Но вообще вопрос о причинах краха Российской империи – это отдельный вопрос, который в две минуты не раскроешь.

В принципе, если брать только участие Государственной думы в этом процессе, то оно было двойное. С одной стороны, до Пер-

вой мировой войны наличие и деятельность Думы укрепляли существующий строй. Перед 1905 г. правительством оказались недовольны практически все, в том числе поместное дворянство, практически вся интеллигенция и крупный бизнес. Издание Основных законов 1906 г. и Положения о выборах 1907 г. позволили обеспечить сотрудничество правительства и поместного дворянства и отчасти верхушки интеллигенции.

В результате, как известно, революция была подавлена, и несколько лет перед Первой мировой войной Россия развивалась довольно успешно. Но в ходе войны, когда Дума потребовала создания «правительства народного доверия», имея в виду под народом, прежде всего, саму себя, а государь не согласился, то этот союз правительства с высшими классами оказался разорван – и Дума стала играть деструктивную роль. И сыграла важную роль в свержении монархии.

М.Б. Аверин. Я бы хотел выступить в продолжение сказанного здесь Вадимом Александровичем [Дёминым].

Отвечая на первый вопрос: «Конституционализм в контексте столкновения Традиции и Модерна»... Чтобы здесь хотелось сказать? Ну, очень трудно говорить о том, какие у нас традиции были... Модерн – это либерализм, парламентаризм, ограничение власти монарха с помощью парламента и т.д. Если говорить о традициях, древней нашей истории, то у нас были вечевые традиции, так называемые феодальные съезды. Потом как-то они перетекают в Земские соборы, и вроде какое-то ограничение существовало власти монарха, а, с другой стороны, деятельность Соборов способствовала усилению царской власти.

Другой момент – Судебник 1550 г., статья 98. Вроде как, все новые законы надо «приписывать» теперь к Судебнику, ну а принимать их должен государь вместе с боярами. Интересный вопрос... Некоторые историки трактуют это как попытку ограничения власти монарха. Дальше Василий Шуйский, королевич Владислав – опять попытки ограничить власть монарха. Если бы у нас были британские традиции, то мы бы, наверное, праздновали бы какие-то даты и придали бы соответствующим актам значение «Великой Хартии вольностей». При определенной фантазии это можно сделать – и сделать из этого

большую «демократическую», «конституционную» традицию и т.д.

Но потом, действительно, как уважаемый Вадим Александрович [Дёмин] сказал сегодня, все это, увы, было забыто, и если вспоминалось, то только учеными в конце XIX – начале XX вв. И мы приходим к 1905–1906 гг. Советские ученые писали, что у нас возникает думская монархия... Наверное, с точки зрения юриспруденции, надо было назвать ее дуалистической монархией, то есть одной из форм ограниченной монархии, которая является переходной от неограниченной монархии к парламентарной.

Конституция (Основные государственные законы в редакции 23 апреля 1906 г.) у нас была принята в некодифицированном виде. Конституция была гибкой. Ее легко было изменять. Ну, там тонкости были небольшие... Только по инициативе Государя можно было отменить или изменить Конституционные (Основные) законы. Но в целом она гибкая была. Это хорошо для конституции переходного периода.

На счет того, насколько Конституция кого-то сдерживала или как смотрело на нее правительство... Если говорить о Совете министров Российской империи времен П.А. Столыпина, то Столыпин был политиком парламентского типа. Он активно работал с Думой, а значит, конституционные нормы работали.

Второй момент... Если говорить о законах, которые принимались в порядке статьи 45 по «Основным законам...» в редакции 23 апреля 1906 г. (она 87-й стала, когда ее внесли в «Свод законов Российской империи») – да, такие указы принимались, статья активно использовалась. Но потом правительство на заседании Совета министров очень подробно обсуждало, что из списка подобных указов будет внесено в Думу, а что не будет, что пройдет, а что не пройдет, и может это там пройти или нет. В общем-то, они, конечно, обращали внимание на конституционные нормы и на политическую ситуацию в Думе и Государственном совете. Это было просто необходимо для поступательного процесса законотворчества.

Другой момент... Вот Третьеиюньский государственный переворот, принимается новый избирательный закон (он, конечно, «Основной» – его надо изменять совместно

с парламентом, а указом нельзя отменять). Но Особого журнала соответствующего заседания Совета министров с детальным описанием хода обсуждения вопроса нет. Правительство явно опасалось нарушать конституционные нормы. Поэтому Основные законы имели определенную сдерживающую силу для власти.

Что касается «самобытности» и «заемности» в российском конституционализме и парламентаризме... Конечно, мы шли проторенным путем. Изобретать велосипед глупо и поэтому легче было взять у кого-то уже готовое. Ну, мы и заимствовали, после творческой переработки. Но хочу сказать, что до революции сохранялись отдельные государственно-правовые традиции, русский юридический язык. Писали не «бюджет», а «государственная роспись доходов и расходов», не «инициатива», а «законодательный почин» и т.д. Юриспруденция, конституционный строй, конституционный порядок – это, прежде всего, здравый консерватизм.

«Царь и Конституция в зеркале массового сознания»... Конституционные изменения не устраивали широкие политические круги. Думу «говорильней» называли, как вы знаете. Доля правды в этом, конечно, есть. Но, с другой стороны, все-таки до революции правительство с ней работало и хотело с ней работать.

Что касается советского периода, то сами сессии Верховного совета СССР коротенькие: утверждают Указы, которые принял до этого Президиум Верховного совета СССР, отчитываются в газетах и кинохронике. Реального парламентаризма, конечно, здесь быть не могло.

Сейчас тоже, в общем-то, парламент находится в похожей ситуации, власть, основные политические силы и значительная часть населения проявляют к нему удивительное равнодушие, не стремятся изменить ситуацию. Но такое положение чревато самыми непредсказуемыми последствиями.

«Смуты и революции как фактор истории отечественного конституционализма»... В советский период отказ от традиции, конечно, с одной стороны первоначально произошел, а с другой стороны, сталинская Конституция 1936 г. – это ведь возвращение, отчасти, к прежним традициям и к иностранному конституционному опыту. И произошло это при

И.В. Сталине. Постепенно восстанавливались многие вещи. Потом мы даже наркоматы в министерства переименовали и т.д. и т.п.

Если говорить о Конституции 1918 г., то она действительно была революционной. Читаешь – и не понимаешь, для чего ее писали, если смотреть на содержание с государственно-правовой точки зрения.

В.Ю. Бельский. Как для чего? Для легитимации новой политической системы в России и утверждения пролетарского государства. По-моему, это совершенно естественно, что создатели нового общественно-политического строя начали его утверждение с Конституции – то есть с формирования правовой и понятийной основы этого строя. Ну и в дальнейшем Конституция стала основным инструментом пропаганды новой идеологии.

М.Б. Аверин. Для пропаганды, да.

С.Ю. Разин. А «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» для чего писалась?

М.Б. Аверин. Включение уже принятой Декларации в текст Конституции было компромиссом.

С.Ю. Разин. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» была частью Конституции. А «Декларация прав народов России», которая тоже была частью Конституции, для чего писалась?

М.Б. Аверин. Тогда еще была реальная демократия внутрипартийная, многопартийность, в Конституционной комиссии были споры. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» была уже принята, закрепляла принципы организации нового общества и власти в самом общем виде. Решить конкретные вопросы нового общественно-государственного устройства было значительно сложнее, но при создании нового Основного закона, как вы понимаете, желательнее. Однако на тот момент это была, пожалуй, почти невыполнимая задача. Оттуда и гениальный ленинский ход: включить текст Декларации в качестве раздела Конституции.

Дальше... Что касается вопроса «Отечественные конституции и конкретно-исторические политико-правовые реалии»... Наверное, конституции наши соответствовали этим политико-правовым реалиям.

И, наконец, Самодержавие... Не буду говорить о прошлом, а скажу только о современном государственном строе. На мой взгляд,

как историка права и юриста, нынешняя форма правления в России по конституции и с точки зрения фактических отношений, – это смешанная республика. Из смешанных – это президентско-парламентская республика (причем усиленная модель в сторону президентской). Фактически же она эволюционирует в суперпрезидентскую республику, о которой уже было сказано.

В.Ю. Бельский. Я считаю, что Конституцию – особенно на этапе формирования ее концепции – и должны обсуждать не юристы. Или не только юристы. Почему? Потому, что, все-таки, это основной документ, по которому живет вся страна, и когда юристы за всех определяют закономерности развития всего общества – это не совсем неправильно.

И как философ считаю, что надо различать юриспруденцию и право. Право – это все-таки философская категория. Она отражает логику развития истории, логику развития общества, логику развития основных социальных институтов. И от того, какие закономерности мы определим приоритетными и предпочтем в законодательных актах, в том числе и в Конституции, и зависит, как будет развиваться общество. С этой точки зрения, все конституции отражают те исторические задачи, которые ставят перед собой те или иные люди, которые приходят к власти.

Я с недавних пор цитирую Ф. Кастро, который очень хорошо показал содержание и логику современного мира. Отталкиваясь от его логики, я всегда напоминаю своим студентам, что за 80 тысяч лет развития общества как социальной структуры, человечество к 1800 г. достигло 1 млрд человек. Оно развивалось очень медленно и постепенно. В течение миллиона лет мы с вами производили каменные топоры и не двигались дальше. Потом – по мере совершенствования средств производства – неоднократно происходил переход человечества в новое качество. А более или менее бурно развиваться мы начали к 1800 г., в результате чего население планеты достигло миллиарда человек.

К 1930 г. те идеи, которые были наработаны и определяли систему общественных отношений, приходят в сильнейшее противоречие с дальнейшим развитием человечества. В 1930 г. – население планеты 2 млрд. То есть, за 80 тыс. лет – 1 млрд человек и за 130 лет – 1 млрд человек. Изменилась полностью не

только форма, но и содержание развития человечества.

В 1960 г. население планеты составило уже 3 млрд. Должны меняться социальные, политические и правовые институты? Конечно. Потому что меняются задачи социального развития. Меняются способы воспроизводства и производства самого человека.

В 1975 г. – нас уже 4 млрд. А затем уже каждые десять лет добавляется по миллиарду. Каждое утро нужно население планеты обути, напоить, накормить. А значит – способ производства, который определяет жизнедеятельность общества, должен соответствовать тем потребностям, которые были сформированы в период жизни предшествующих поколений. Таким образом, каждое новое политическое поколение формулирует новые цели и задачи и, следовательно, закрепляет их в базовых концептуальных документах государства, к которым относится, в первую очередь, конституция страны и иные основные законы.

С этой точки зрения (я это часто повторяю), нет плохих или хороших законов, нет плохих или хороших форм правления, а есть законы и формы адекватные или, напротив, не адекватные тем требованиям и закономерностям, которые стоят перед обществом в данный конкретный момент времени. И если мы форму правления выбираем не адекватную задачам... Вот, возьмем Конституцию 1936 г. в период после Великой Отечественной войны. Цели и задачи государства после 1945 г. изменились, так что к этому времени назрела конституционная реформа: она нужна была для того, чтобы расширить свободы и права граждан, ведь победители фашизма явно заслуживали этого.

До войны существовали реальные угрозы Советской республике, новой социалистической системе. Именно по этой причине советская политическая система мутировала от демократического централизма к авторитаризму (в 1920-е гг.), а затем и, как считают некоторые, к тоталитаризму. Плохая или хорошая была Конституция 1936 г., но она позволила сконцентрировать все усилия государства на жизненно важных для страны направлениях. Но вот война заканчивается – и ничего в политической системе СССР не меняется. Существовавшая на тот момент форма принятия решения была удобна для

бюрократии, но нужно было развивать дальше общественные отношения. Историческая логика развития советского общества предполагала переход от экстенсивного типа развития к интенсивному – к качественному росту. Однако же законодательная база страны, будучи консервативной сущностью, сама по себе измениться не могла. Перемены требовали соответствующего политического решения, которого, увы, не было. С этой точки зрения, Конституция, которая была принята в 1936 г., пришла в противоречие с теми новыми задачами, которые встали перед Советским Союзом после победы над фашизмом.

В 1970-е гг. в соревновании со странами капитализма СССР оказался в целом более эффективным государством, но по мере наращивания Советским Союзом и США ядерного потенциала все острее вставал вопрос: что делать с Соединенными Штатами Америки – воевать или находить возможности для сотрудничества. Советское руководство сделало выбор в пользу второго и фактически взяло на вооружение концепцию «конвергенции двух систем», но не учло, что США и не собирались рассматривать конвергенцию с социалистическим государством как перспективу.

Именно в этот период А.Н. Косыгин и некоторые его соратники заговорили о том, чтобы поменять конституционные основания советского строя. Они считали, что новое качество экономики требовало определенных демократических реформ, переход на интенсивный путь развития требовал изменения базовых юридических актов. К сожалению, в партии возобладала точка зрения (и с ней был солидарен Л.И. Брежнев), согласно которой ничего менять не нужно, что «у нас все под контролем», и тот способ управления, который существует, довольно эффективен.

С.Ю. Разин. И, тем не менее, именно при Брежневе принимается Конституция СССР 1977 г.

В.Ю. Бельский. Да. Но она уже, на мой взгляд, опоздала. Когда уже пошли трещины в политической системе страны, партийное руководство попыталось с этим что-то сделать, но было уже поздно: в партии к этому времени уже не было модернизационных сил.

В итоге, когда начались конституционные реформы в современной России, вместо того, чтобы проанализировать, какие задачи стоят перед новой Россией и в геополитическом, и

во внутреннем плане, мы просто стали пытаться копировать зарубежный опыт. Я согласен с коллегами, которые говорили, что нужно было все-таки исходить из внутренних потребностей, а не из того, что дало эффект в других странах.

В этом плане Конституция сегодня... Мы, когда обсуждали, то правильно коллеги говорили, что Конституция 1918 г. оказалась более эффективной исторически, с точки зрения развития той ситуации, в которой оказалась Россия того времени, нежели современная Конституция. Современная Конституция, к сожалению, за 25 лет показала, что мы ограничений на развитие ввели больше, чем даже Конституция 1918 г.

Здесь проявляются два аспекта, которые являются дискуссионными. Первый аспект – это, все-таки, отношение общества и государства к собственности. Конституция должна четко определять, какие формы собственности являются определяющими для развития общества. И второе – это идеология... Мы ввели фактически запрет на идеологию, которая у нас была, но не дали возможности развиваться идеологии, которая была бы адекватной стоящим перед российским обществом задачам. С этой точки зрения, отрицание необходимости официальной идеологии – это тоже идеология. Когда мы говорим, что, например, сотрудники полиции должны быть вне идеологии – это тоже идеологическая позиция. Так давайте ее закрепим.

В этом плане сегодня и В.Д. Зорькин, и С.М. Шахрай правильно предлагают, что нужно разобраться: какие задачи сейчас стоят перед обществом, что у нас реализовалось, а что – нет, – и попытаться создать механизм реализации тех перспективных задач, которые стоят перед нами. Зорькин с Президентом России встречался, и Президент уже, по моему, осознает, что та Конституция, которая сегодня существует, требует определенного переосмысления. Так, если мы живем уже в эпоху «информационного общества», то этот факт должен быть отражен и в Конституции страны. Иначе мы действительно отстанем от мировых трендов, и нам нечем будет ответить на новые угрозы.

С.Ю. Разин. Вопрос о том нужно менять Конституцию или не нужно – это вопрос, на мой взгляд, вторичный. Первичный вопрос состоит в том, что, прежде чем менять или не

менять Конституцию, общество должно понять, откуда и куда оно идет. А это уже выбор определенной идеологии, определенной стратегии развития. Современная российская власть всячески уклоняется от этого выбора.

В.Ю. Бельский. Нужно встать на плечи предков своих исторических, а мы все пытаемся на сторону смотреть: там опыт хороший, там опыт хороший...

В.А. Лепехин. Коллеги, позвольте высказать несколько суждений в продолжение того, о чем говорил только что Виталий Юрьевич [Бельский]. С моей точки зрения, он высказал один очень верный тезис – по поводу того, что любая Конституция – это не просто важнейший государственный документ, легитимирующий установки власти, но еще и инструмент, посредством которого власть и правящий класс могут и призваны формировать новые установки и обеспечивать развитие общества.

Для начала выскажу весьма непопулярную сегодня точку зрения относительно того, что такое российская Конституция 1993 г.

Напомню, что день принятия этой Конституции стал лично для меня особенным днем: в этот день я был избран депутатом Государственной думы 1 созыва. И избран я был от партии власти – вот только не от «Демократического выбора России», который тогда, с моей точки зрения, ошибочно считался партией власти, а от ПРЭС – Партии российского единства и согласия, негласным лидером которой был Виктор Черномырдин, а формальным лидером – Сергей Шахрай, один из основных авторов новой российской Конституции. Так вот, по договоренности с Шахраем я был утвержден заместителем Председателя комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций, в обязанности которого входило кураторство политического законодательства. Проще говоря, в развитие положений только что принятой Конституции нам предстояло подготовить и принять федеральные законы о политических партиях, о выборах, об общественных организациях, о профсоюзах, о религиозных организациях, о массовых политических акциях и пр.

О работе над избирательным законодательством я сейчас говорить не буду. Тут тон задавала фракция партии «Яблоко»; этим, в частности, активно занимался присутствующий

здесь коллега В.Л. Шейнис (а я лишь входил в рабочие группы и продвигал в них точку зрения правительства). Остановлюсь лишь на нескольких законах, автором или соавтором которых я являюсь.

Мы работали в связке с Георгием Саттаровым, который был в то время помощником президента России, и за короткий срок, фактически за год, нам удалось подготовить и провести через Думу целый ряд законопроектов, обеспечивших становление и функционирование в стране новой политической системы. Это оказалось возможным именно в силу того, что такую возможность предоставила нам новая Конституция. Она оказалась если не идеальной, то оптимальной платформой для того, чтобы запустить в России новую и вполне современную политическую систему – и сегодня, я считаю, она по-прежнему позволяет это делать, несмотря на нарастающую критику в адрес авторов Конституции и мнение, что она якобы устарела.

Осмелюсь утверждать, что не Конституция 1993 г. устарела, а нынешняя политическая практика пришла в несоответствие с заявленными в Конституции положениями. То, что буквально 2–3 статьи действующего Основного закона нуждаются в корректировке или даже отмене (например, о приоритете международного законодательства), не означает, что Конституция устарела. В силу ее, я бы сказал, сверхдемократичности, ничто не мешает, к примеру, власти проводить – при желании – ту или иную идеологическую линию и развивать политическую систему. Развивать эту систему мешает не Конституция, а нынешняя узкокорпоративная политическая практика правящего класса, порождающая своими действиями рост в стране протестных настроений и девиантного поведения молодежи.

Я уверен, что в нынешней ситуации любые попытки действующей в современной России проолигархической бюрократии внести правки в Конституцию закончатся ее серьезным ухудшением: еще большим огосударствлением политической системы, дальнейшей ее олигархизацией, усилением административных методов принятия решений и прочими пороками – против которых сегодня восстает российское общество.

Напомню, что если в первой Думе были приняты практически все значимые поли-

тические законы, то во второй Думе они были остановлены усилившейся бюрократией. А в третьей Думе законодательство пошло вспять – законы о выборах, о партиях, об общественных объединениях и другие по представлению Минюста стали наполняться нормами, усиливающими вовсе не значение национальных интересов и государства как такового, но исключительно административно-командных методов управления политическими процессами.

В этом смысле Виталий Юрьевич [Бельский] абсолютно прав, когда говорит, что политическая система страны должна непрерывно развиваться, отвечая на запросы населения и времени. Но, коллеги, давайте не будет трогать действующую Конституцию. «Единая Россия» проигрывает выборы не из-за несовершенства Конституции, а из-за собственной неспособности к политическому развитию. И существует опасность, что в стремлении приспособить под свои предвыборные и иные задачу Основной закон страны, партия власти может добиться обратного эффекта: окончательно дискредитировать действующую Конституцию и обрушить авторитет власти до нуля.

Полагаю, что сегодня основное внимание правоведов, философов и политических экспертов должно быть сосредоточено на другом – как очистить существующие политические законы от излишних административных форм, как научить власть конкурировать со своими оппонентами не административными, а политическими и идеологическими мерами. Сегодня важно существенно обновить избирательное законодательство, запустить в обсуждение проект федерального закона «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в РФ», дабы «окультурить» улицу, и вообще – начать формирование четвертой (гражданской) ветви власти. Вот под такие задачи и есть смысл вносить поправки в Конституцию, а не под идеи каких-то отдельных чиновников усилить полномочия, к примеру, абсолютно не популярного и почти недееспособного, с точки зрения народного большинства, российского парламента.

В.Ю. Бельский. А нельзя двигаться параллельно: обсуждая поправки в Конституцию, одновременно обсуждать и политическую практику?

В.А. Лепехин. Можно, почему нет. В иде-

але. Если и власть, и общество смогут обозначить новую и интересную всем повестку дня. А пока власть не предлагает ничего, кроме принятия новых административных норм в интересах бюрократии, патриотическая оппозиция требует отмены в Конституции статьи 13, касающейся идеологии (не договорившись внутри себя, какая у РФ должна быть идеология), а либеральная оппозиция требует минимизации полномочий Президента. В такой ситуации, повторяю, трогать действующую Конституцию нельзя, в противном случае мы получим оксюморон.

Золкин А.Л. Готов согласиться с позицией В.Ю. Бельского в том, что проблема конституционализма есть прежде всего философская проблема, выходящая за пределы комплекса вопросов юридической науки. Философские проблемы возникают не только там, где есть столкновение идей, но там, где иллюзии борются с реальностью.

Конституционализм идет рука об руку со смутами, революциями и мятежами во многом благодаря когнитивным диссонансам, смысловым противоречиям, герменевтическим провалам и интерпретационным диверсиям, которые обществом воспринимаются весьма болезненно и становятся стимулами и катализаторами социальных потрясений.

Конституция есть компромисс между правовым реализмом, этическим идеализмом и юридическим формализмом. Если почитать учебники конституционного права зарубежных стран, то увидим, что их конституции очень похожи друг на друга. Они все говорят о суверенных демократических государствах, хотя большинство современных сообществ, формально-юридически считающихся государствами, реального суверенитета не имеют, политическая демократия выражена слабо, хотя местное самоуправление может находиться на высоком уровне, да и в целом они государствами не являются. А сколько крови было пролито в борьбе за суверенитет этих сообществ, которые могут существовать в лучшем случае лишь как лимитрофы?

В реальном мире суверенных государств всего несколько, да и политическая демократия не является способом обеспечения суверенитета. В США, Индии, России, Китае определенный уровень политической демократии присутствует, но его отношение

к обеспечению суверенитета не является абсолютным. Демократия и суверенитет часто соотносятся друг с другом как лотерея и экономика.

Дефициту реализма в идейном развитии конституционализма помимо юридического формализма способствует и этический идеализм, который неизбежен, поскольку Конституция во многом есть декларация о принципах правильной жизни, а не просто легитимация существующего положения.

Отсюда стремление использовать Конституцию как орудие реформирования общества на основе моральных принципов. Эти принципы остаются абстрактными и тоже способствуют подготовке смут. Вообще, вся идеология эпохи Просвещения есть восстание против логики истории. Легко провозгласить всех равными, хотя общество строится на иерархии, оно создает эту иерархию явочным порядком, прорастает сквозь декларации. Но общество, соблазненное равенством, видит в этом смертный грех.

Но нужна ли вообще Конституция? Одним из источников Конституции является социальное право как право интеграции. Конкретное общество интегрируется в государство в силу баланса прав и обязанностей. Каждое исторически возникшее государство имеет различное социальное право в силу цивилизационных особенностей (то есть Вызова и Ответа).

Так случилось, что российская цивилизация сформировалась в свое время как «тягловое государство» в силу исторического вызова, а иначе оно бы вообще не состоялось. Польша, стремясь оставаться феодальной республикой, пришла к разделу, а Россия – к смутам, порожденным недовольством жесткими условиями социального права и абстрактными надеждами реализовать в российских условиях польский, голландский, британский, американский или иные проекты государственности.

Сегодня многие граждане живут еще советским мобилизационным прошлым, но Конституция построена по американскому типу системы «сдержек и противовесов», а на повестке дня – формирование правовых оснований создания панрегиона экономического развития. Это формирование отбросит старые аксиомы и выдвинет новые.

Проблема, на мой взгляд, корениться в

современном прагматичном понимании социального права, отвечающем на вопрос: а зачем, собственно, мы объединились в государство? Какие преимущества мы от этого получили? Какие возможности приобрели? Чем за это платим?.. Проблема общественно-го выбора становится центральной. При этом, происходит не только «внесение поправок», но и смена «правовых картин мира». Вчера государство не должно было вмешиваться в экономику, сегодня само государство превращается в корпорацию. Если в традиционном мире государство должно было защищать землю от военного вторжения, то сегодня одной земли для обеспечения жизни уже недостаточно, требуется экономика.

Конституция, таким образом, не просто раскрывает формально-юридическую архитектуру государственности и правопорядка, но проясняет смысл общественного договора.

В.В. Бабашкин. Начну с известного исторического анекдота. Когда-то учителя истории любили баловать учеников этим анекдотом-быльем – должно быть, и до сих пор любят. Когда, мол, следователи по делу декабристов опрашивали рядовых участников беспорядков, которых декабристы подбадривали эффектным лозунгом: «За Константина и Конституцию», что же это за Конституция такая, то представители престопадобья отвечали: «Так это, надо полагать, жена Константина. А кто еще?». В учебном курсе советской поры тем самым можно было акцентировать такую незамысловатую историософию: вот, дескать, каков был уровень правосознания трудящихся масс, но менее чем через сто лет рабочие и крестьяне получают из рук большевиков самую передовую и демократическую в мире Конституцию. В нынешних учебниках в моде другие напевы: в январе 1918 г. граждане демократической России едва не получили от Учредительного собрания настоящую Конституцию, однако большевики все испортили, и таковой пришлось ожидать аж до декабря 1993 г.

Чем хорош приведенный анекдот? Он, как и любой хороший политический анекдот, дает возможность, в отличие от занудных пропедевтических текстов, представить выпукло и четко какие-то очень важные исторические моменты. Без преувеличения скажу, что для 95–97% населения великой страны на протя-

жении XIX – начала XX вв. слово «Конституция» и стоящие за ним какие-то иллюзии и упования не имели особого значения. При этом образованное сословие носилось с Конституцией, «как дурак с писаной торбой». У М.Е. Салтыкова-Щедрина здорово показано вот это постоянное желание представителей данного сословия: «не то конституции, не то севрюжины с хреном...». На что уповали тогдашние либералы? Можно, подражая тому же Салтыкову-Щедрину, сформулировать это так: вот уж примем Конституцию – и сразу Россия станет очень похожа на Запад (как у великого сатирика лирический герой «Дневника провинциала в Петербурге» мечтал: «Вот уж съезжу в Питер – и все в моем хозяйстве наладится»).

Мне представляется, что авторы нашей Конституции, 25-летие которой мы сегодня празднуем, исходили из этой приблизительно иллюзии. «Конституция победителей», как сказал сейчас В.Л. Шейнис: победили – конституируем – и все у нас получится. Пять лет назад, когда готовились отмечать 20-летие этого исторического события, помню, смотрел «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым». Там отдувался за все С.М. Шахрай, причастный к составлению текста ныне действующей Конституции. Сперва он явно волновался, думаю, опасался, как поведет себя такой участник шоу, как В.В. Жириновский. Однако Жириновский был как-то необычно для него доброжелателен, и Шахрай взбодрился было. Тут представитель не слишком любимой мною партии «Яблоко» С.С. Митрохин рассказал отличный анекдот, который, по-моему, не хуже анекдота про Константина и Конституцию: Что общего между англичанами и русскими? – Те и другие живут по неписаной конституции, только у русских зачем-то еще и писаная есть... При этом Митрохин как представитель современного либерализма, наверное, имел в виду, что у русских есть писаная конституция, она хорошая, она демократическая, она вобрала опыт США – столпов современной демократии, но потомки крепостных рабов толком не умеют этим пользоваться. Хотел бы ошибиться, но скорее всего так и есть.

И вот здесь основной пафос своего выступления я хотел бы обратить на знаменитые 242 крестьянских наказа с мест как основу той российской Конституции («Декларация

прав трудящегося и эксплуатируемого народа»), столетие которой мы, по идее, должны были бы отмечать в январе этого года. Эти потрясающие крестьянские документы зиждидились на обычном праве, на обычно-правовых представлениях крестьян о том, кто, зачем и на каких основах должен владеть, пользоваться и распоряжаться землей. Другие вопросы конституционное законодательство России, как мне представляется, если и должно регламентировать, то уже во вторую очередь.

Ленин привел к власти большевистское правительство через декрет «О земле» – по-другому и быть не могло. Этот Декрет – пожалуй, самый потрясающий в истории человечества пример сочетания обычно-правовых установлений в области поземельных отношений с законодательной инициативой конституционного характера, с которой выступила верховная власть огромного государства. III съезд Советов конкретизировал, детализировал этот ленинский декрет, утвердив «Основной закон о социализации земли», дух и букву которого включала принятая тем же съездом «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Политические успехи большевиков в конце 1917 – начале 1918 гг. прочно опирались на обычно-правовую традицию в главном вопросе внутренней политики. Не на формально-правовые новации, не на представления образованного сословия о том, что вот уж возьмем американские образцы и все у нас получится, а именно на то, что львиная доля населения страны убежденно считала правильным и справедливым.

Советская Конституция 1924 г. опять же вобрала в себя естественным порядком Земельный Кодекс РСФСР декабря 1922 г., к которому большевистское правительство пришло через пробы и ошибки Гражданской войны, и который, по сути, возвращал советское земельное законодательство к началу 1918 г. Регламент не позволяет мне сейчас говорить что-либо вразумительное в этом плане о Конституции, которая вошла в нашу историю как «сталинско-бухаринская». Это тянет на отдельный доклад или даже на острую полемику о сущности установившегося в предвоенное время в СССР колхозного строя. Поэтому сразу перейду к Конституции нынешней и зачитаю статью

9 этого судьбоносного документа: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Это что?! С тем же успехом можно написать, что земля в этой стране может находиться в какой угодно форме собственности! Земля – это святое, метафизическое понятие для большинства соотечественников и по сей день. По крайней мере, хотелось бы в это верить. Это впитано нами на уровне архетипов, на уровне социальной психологии, менталитета. Я, живя, последние 15 лет в родной деревне, вижу, как бывшие колхозные поля обрастают такими заборами, что прежним лендлордам и не снилось. «Конституция победителей» в действии...

Уверен, что наше земельное законодательство должно под собой иметь какую-то другую конституционную норму. Но даже и эта статья Конституции, которую я сейчас зачитал, довольно здорово сейчас исследуется экспертами, специалистами на предмет законодательного регулирования. У нас вот, например, в РАНХиГС при Президенте РФ есть Институт прикладных экономических исследований, а в нем – Центр агропродовольственной политики, который возглавляет Наталья Ивановна Шагайда. Она – автор ряда глубоких исследований, посвященных проблемам оборота сельскохозяйственных земель и трансформации на практике соответствующих институтов и структур. Там формулируются довольно конкретные рекомендации в области дальнейшего развития землепользования в нашей стране. Одна из ее недавних публикаций так и называется – «Земля для людей».

Да, вот, кстати говоря, у той же Н.И. Шагайда я вычитал любопытнейшую вещь (сперва я это услышал в одном ее выступлении на организованном Центром семинаре, а потом попросил указать источник, и мне в этом Центре дали ее монографию под названием «Оборот сельскохозяйственных земель: трансформации институтов и практик»). Оказывается, не во всех регионах громадной России, в которой, казалось бы, так много земли, сельскохозяйственные земли можно через коррупционные схемы спокойно переводить в другую категорию. В таких республиках, как Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Саха-Якутия

– от идеи приватизации земли принципиально отказались, несмотря на то, что это прямо допускается федеральной конституцией. В этих регионах приватизация земли никогда не проводилась. Думаю, что данный опыт должен приниматься во внимание в процессе дальнейшего развития общероссийского конституционно-правового регулирования.

С.Ю. Разин. То есть, писаное законодательство должно идти вслед за обычным правом и за духом народа.

В.В. Бабашкин. Именно так. В современной аграрной историографии тема обычного права явно недооценивается, что очень похоже на ситуацию в специальной литературе начала прошлого века: ну какое обычное право, когда у нас такое разветвленное писаное законодательство? Один из героев фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино» в блестящем исполнении Олега Табакова сказал, как отрезал: «Чумазый не может играть!». Справедливости ради отмечу, что есть сегодня очень глубокие исследования по проблематике обычного права, содержание которых должно учитываться в современной законотворческой практике.

В 2000 г. на ежегодном симпозиуме обществоведов «Куда идет Россия?..», который до сих пор проводится в нашей Академии, я делал об этом доклад под названием «О некоторых закономерностях эволюции власти в посткрестьянском обществе». Там я обосновывал как раз такую мысль: если законодатель хочет, чтобы писанные законы работали, а не спускались на тормозах в духе скрытного пассивного сопротивления, свойственного гражданскому населению такого общества, он обязан брать это во внимание.

А.Д. Жилкин. На Кавказе традиционно люди предпочитают не столько многоквартирное жилье, сколько частное домовладение. Как это сочетается с упомянутым сейчас запретом на частную собственность на землю?

В.В. Бабашкин. Здесь нельзя путать две вещи: рынок земли и оборот земель сельскохозяйственного предназначения. Первый предполагает практически неограниченную частную собственность на землю, предполагающую неограниченные же возможности в области купли-продажи земли. На Кавказе же не была проведена приватизация земель бывших колхозов и совхозов. Эти земли

были закреплены за сельскохозяйственными организациями, которым они переданы государством в постоянное бессрочное пользование и не могут быть переданы от этих организаций еще кому-то в пользование.оборот земли там жестко ограничен клановыми традициями, и рынка земли в принципе, быть не может. Потому что денег – огромное количество, но купить большие земельные угодья – это нарушить, осквернить традицию, продать мать родную. А купля-продажа жилья с прилегающим участком, который установился в предшествующий исторический период как «личное подсобное хозяйство» – это другое дело.

В.Л. Шейнис. Мне очень импонирует то, что вы сейчас сказали. Вы знаете, вокруг чего шел спор, когда писали Конституцию? Допустима или не допустима частная собственность на землю. Те люди, которым предстояло решить, как записать, исходили из глубоко идеологизированных представлений. Частная собственность на землю: даем мы ей ход или не даем? Вот тот уровень обсуждения, который был на Съезде.

В.В. Бабашкин. Я совершенно согласен, что это чрезвычайно идеологизированный вопрос. Сколько я живу, столько слышу этот вот штамп: «частная собственность на землю» и связанные с этим большие надежды на ускорение аграрного развития. Вот, мол, куда хорошо бы запустить «волосатую руку рынка» – в деревню, в колхоз.

В Китае сегодня нет частной собственности на землю. Она там категорически запрещена. Но рынок земли в том или ином виде существует, землеоборот существует. Этот исторический опыт достоин самого пристального внимания с нашей стороны. Я уверен, что земельный вопрос является главным не только в прошлом, но и в будущем РФ. В КНР сейчас, конечно, тоже идет политическая борьба. Известные силы пытаются дожать ситуацию до реальной купли-продажи сельскохозяйственной крестьянской земли. Но при властной монополии КПК, руководство которой имеет достаточно ясные теоретические установки на сей счет, противостоять этому не столь затруднительно, как было у нас в начале 1990-х гг.

В.Л. Шейнис. Конечно. Для одних это был символ нового строя, нового общества, лакмусовая бумажка, а для других – это враг, ко-

торый отравляет нашу жизнь.

В.П. Булдаков. Сегодня Виктор Леонидович [Шейнис] начал с вопроса, а что за юбилей мы сегодня празднуем. Скорее всего, это ритуальный юбилей, формальная коммеморация. А по сути дела, для всех нас, для общества, это даже не юбилей – это скорее (будем откровенны) панихида по российскому парламентаризму. Причем это уже не первая панихида, не первого провалившегося парламентаризма. И надежды, и поминки уже были. Все это мы уже проходили. Всякий раз оказывались у одного и того же разбитого корыта, и всякий раз недоумевали: как такое могло случиться.

Что в связи с этим хотелось бы заметить? Первый пункт нашей дискуссии сформулирован так: «Конституционализм в контексте столкновения Традиции и Модерна». Я думаю, что эта формулировка вполне не корректна. Беда нашего конституционализма в том, что он лежит в области симулякров, а не социально-политической прагматики. Весь наш конституционализм (парламентаризм, демократия) и соответствующие дискуссии зациклены на интересах «общественности». Не общества в целом, а именно «общественности». Иногда ее еще называют (у нас много псевдонимов) «политическим классом». Мы непременно затеваем игры с химерами собственного воображения и, похоже, можем ограничиваться этой интеллектуальной забавой до бесконечности.

Что касается естественного, нормального конституционализма, то он, на мой взгляд, должен опираться (о чем уже говорилось) на известного рода традиции. Весь исторический опыт развития конституционных идей в этом убеждает.

Ну, допустим, возьмем англо-саксонское право, которое в конституции как таковой (писаной, многостраничной) не нуждается вообще. Здесь все идет от традиции, от обычного права, которое постепенно превратилось в право прецедентное, и из этого постепенно получилась западная демократия. То есть идея права и закона укоренилась настолько, что она сидит в головах на уровне политического инстинкта, который не нуждается ни в каких особых конституционных «напоминаниях», ни, тем более, в идейных декларациях. Зачем «подбадривать» механизм, который и без того работает?

Нам, к сожалению, о демократии, о конституционализме приходится говорить, говорить до бесконечности. Это часть тех самых «потемкинских деревень», которые воздвигаются у нас вокруг всего, в том числе и вокруг конституционализма. Имеем мы Конституцию – значит хорошо живем. Только не имеем мы реально действующей конституции. Точнее – текст Конституции у нас есть, но не имеет она отношения к реальной демократии. Мы не по конституции живем. Об этом уже говорилось сегодня.

В общем, «потемкинские деревни», или, по-ученому, псевдоморфозы, окружают нас со всех сторон. Конечно, это явление не только наше, «исконное». Надо признать, надо исходить из того, что мы, и не мы одни, представляем собой традиционное общество, которое находится в стадии разложения. Некоторые традиционные общества к этому «привыкли», а потому существуют более успешно. Ну, допустим, Япония. Это традиционное общество. Хотя и там своя конституция имеется.

В 1992 г. я впервые побывал в Японии. Естественно, я заинтересовался, как у них обстоит дело с конституцией и с демократией. Ну, взяли мы с двумя профессорами-японцами такси и поехали в центр города. Посмотрели на Императорский дворец – скромно, не похоже на наши дворцы. Подъехали к парламенту – здание западного типа (стилистику позаимствовали), а тут таксист (пожилой японец) весело говорит: «А вот здесь наши дураки сидят».

В.Ю. Бельский. Кто?

В.П. Булдаков. Дураки. Дураки сидят. А, профессора, надо отметить, подхихикнули довольные. Поехали дальше. Доезжаем до штаб-квартиры Либерально-демократической партии. Водитель говорит: «А вот здесь главные дураки сидят».

Какая мораль вытекает из этого? Существует некая псевдоконституционная конструкция, когда, однако, не мешает людям жить. И люди ее терпят, как такое декоративное украшение, без которого вполне можно прожить. Вот есть у нас император – и хорошо. Им это нужно, это – сакральное, то есть сущностное. А парламент, конечно, всякой сакральности лишен (отсюда и приведенные высказывания), но его можно вытерпеть за безобидностью.

А что у нас? Ну, у нас, знаете ли, было (и есть) с точностью до наоборот.

«Царь и Конституция в зеркале массового сознания»... – как такое могло (может) быть? Если есть Царь и традиция, то зачем Конституция? Вот именно так традиционное сознание подходит к проблеме конституционализма. Можно привести и показательный российский пример. Так, собирается I Государственная дума, названная «Думой народного гнева», съезжается масса крестьян, убежденных, что вот сейчас Царю будет все сказано, и все проблемы тут же будут решены.

Еще более показательная ситуация... С 1907 по 1914 гг., в общем-то, ситуация в стране устаканилась. Дума (кадетско-октябристская), в общем-то, действовала в рамках закона, занималась, как тогда называли иронично, «вермишельным законодательством», то есть ей подсовывали мелкие проблемы, высшая власть оставляла себе серьезные вопросы, занималась своими делами. Знакомая ситуация?

И чем это закончилось? К октябрю 1916 г. все были убеждены в том, что Дума вот-вот поднимает восстание против царя. Ничего подобного, конечно, не было. Однако создалось впечатление, что Дума реально противостоит Самодержавию. Вот такой вот парадокс. Законы вроде бы действовали, законотворческий процесс продолжался, но все это оказалось впустую. Вместо реального, действенного парламентаризма имели его имитацию.

Мне кажется, что дело не только в том, что в нас глубоко сидит традиционализм – не только в этом. Наше общество слишком эмоционально подходит к законотворческим процессам, требуя «самого совершенного» закона, способного мигом решить все проблемы сразу. В общем старые, как мир, представления о власти, как «магической» величине, оказались перенесены на законодательную власть. А хороший закон, как показывает общественная практика во всем мире, – это растение, которое нужно выращивать долго, долго, у нас так не получается.

Последнее, о чем хотелось бы сказать. Нужно ли менять Конституцию? Да нет – это совершенно бесполезно. Нужно ли пытаться что-то в Конституции изменить? Безусловно, да. Но самое главное, как мне кажется, в кон-

це концов, всякая реально действующая конституция – это конституция народа, которая выросла «снизу». Во всяком случае, простой человек должен постоянно ощущать, что у него есть его конституция, которая именно его непосредственно защищает. Это первая часть смысла конституции. А вторая часть (об этом тоже уже говорили) – это модернизационный аспект. То есть простой человек должен ощущать (помимо того, что он защищен), что он может ставить нужные и важные для него цели, добиваться проведения их в жизнь через парламент, и пребывать в уверенности, что этот процесс тоже гарантирован законом.

Имеем ли мы сейчас это? Нет, конечно. Скорее, имеем нечто прямо противоположное. Власть чего захочет, того и добьется, а наша Дума способна только поддакивать ей. Вот такая ситуация. Как выйти из нее, я, конечно, не знаю, да и никто не знает. Но думаю, что всем ясно, что эта ситуация совершенно ненормальна, и она чревата тем, что мы уже имели сто лет назад. В этом сомневаться не приходится.

С.В. Авдеев. Позвольте, я тут дополню. Ситуация в России действительно ненормальная. Но все, как известно, относительно – относительно тех целей, которые ставят перед собой различные социальные группы. Для правящего класса все, что сегодня происходит в нашей стране, не только нормально, но и необходимо. Я бы даже сказал, безальтернативно. А для народного большинства – да, это ненормально. С другой стороны, в условиях, как выразился Президент России, тектонических сдвигов, вообще непонятно, что считать нормой.

Сегодня есть такое понятие, как “КРІ” (Key Performance Indicators – «ключевые показатели эффективности». – Прим. ред.), и мне, как технарю, такой подход абсолютно понятен. Можно ли вывести какой-то КРІ эффективности для Конституции? Я думаю, что можно – если мы, конечно, для начала договоримся о целях проводимой в стране внутренней политики. В этом смысле мне не очень нравятся подробные экскурсы в историю российских конституций и конституционализма вообще. Это тема для домашних работ, а не для круглых столов. Что же касается круглых столов, в том числе и этого нашего с вами стола, то обсуждать на них нужно про-

граммы действий.

Владимир Лепехин предложил интересную схему, высказав тезис о необходимости обсуждать сегодня всем миром стратегию политической реформы, и вот после того, как будет ясна эта стратегия, можно будет говорить о том, нужна ли стране конституционная реформа. И еще неизвестно, кстати, то ли действующая Конституция страны устарела, то ли власть и общество не дозрели до положений Конституции.

Как опять же представитель естественных наук, я задаю себе вопрос: что мешает сегодня развитию страны: Конституция или что-то другое? Мне лично Конституция никак не мешает, а вот конкретные законы, а еще больше ведомственные инструкции и действия бюрократии мешают и даже очень. Да, Конституция не устанавливает возраст выхода людей на пенсию, но так называемая «пенсионная реформа» стала возможной в России вовсе не поэтому. Конституция не подразумевает разгул коррупции и воровства в верхних эшелонах власти, которые мы наблюдаем каждый день. Значит, как говорил профессор Преображенский, все проблемы – в головах наших чиновников, политиков и граждан, которые не хотят соблюдать положения Основного закона. Но с чего начинать наведение порядка в голове у наших граждан – вот в чем вопрос? Тем более, что в стране нет ни одного интеллектуального центра, который бы занимался концептуальным обеспечением политической реформы.

В.Ю. Бельский. Есть Институт ЕАЭС, есть ряд политических клубов: Зиновьевский клуб, к примеру, Рузский клуб...

В.С. Авдеев. Я имею в виду государственные структуры. Правительство создало и финансирует, к примеру, Российский институт стратегических исследований, но он, как известно, ударился в какую-то белогвардейщину и монархизм. Но, может быть, конституционная монархия – это не совсем то, что России сегодня нужно?

В.Б. Перхавко. Я хотел бы остановиться на четвертом пункте нашей дискуссии. Период Второй русской смуты начала XX в. – это ведь не только революционные потрясения, разрушение традиций, неисчислимы жертвы гражданской войны, но и период самого активного конституционного законодательства, которое велось на протяжении пяти лет

на пространствах бывшей Российской империи (с 1917 по 1922 г.).

При этом уровень правового, конституционного сознания населения, как верно подчеркивали Владимир Прохорович [Булдаков] и Владимир Валентинович [Бабашкин], был крайне низким, и, в общем-то, в начале XX в. не очень-то отличался от 1825 г. Я вот внимательно просмотрел все фотографии, плакаты 1917 г., и ни на одной демонстрации я не увидел плакаты: «Да здравствует демократическая конституция!», «Даешь демократическую конституцию!». Всюду плакаты: «Да здравствует демократическая республика!», «Долой войну!», «Хлеба!», «Землю – крестьянам!» и т.д. То есть лозунг конституции был чисто интеллигентским лозунгом. Лозунгом, прежде всего, конституционных демократов. Даже в эсеровской партии он не получил широкого распространения.

Тем не менее, конституционное законотворчество велось и приносило кое-какие плоды. И не вина тех, кто готовил проект временной Конституции (я имею в виду членов Юридического совещания, – а туда входили не только юристы, но и известный историк Ю.И. Гессен), их труды не пропали даром. Если бы кадетов не отстранили от участия в работе Учредительного собрания, то, я думаю, их голос прозвучал бы. Но интересно, что ни в одном из выступлений тех, кого допустили к участию в работе Учредительного собрания, не прозвучало слово «Конституция». Л.Г. Протасов провел контент-анализ стенограммы и нигде не обнаружил. Я проследил за ним тоже. Правда, в конце, когда В.Б. Чернов оглашал проекты «Закона о земле» и «Постановления о государственном устройстве Российской демократической республики» дважды прозвучало словосочетание «федеральная конституция». Больше это не звучало.

Кто же первым и где принял первую республиканскую Конституцию в России? Она была принята 100 лет назад. Но не 10 июля, и не в Москве, и не на V Всероссийском съезде советов. Первая республиканская конституция, в общем-то, была принята в спешке на заседании Малой Рады Украины 29 апреля. Правда, в ночь с 29 на 30 апреля П.П. Скоропадский разогнал и Малую Раду, и всю Центральную Раду, и эта Конституция не действовала.

Что интересно, я недавно побывал в Киеве. Там я увидел марки «Михаил Грушевский – первый президент Украины», и памятник ему написан – мемориальная доска «Первому президенту Украины». Я внимательно изучал эту Конституцию... Дело в том, что мой дед был секретарем Конституционной комиссии Украинской народной республики. Там ни слова не говорится о президенте. Это, конечно, миф. Грушевский был всего лишь спикером и даже не парламента, а Центральной рады. Что такое Центральная Рада? Это нелегитимный, непарламентский орган. Члены туда делегировались от партий и общественных организаций. Это даже, извините, уровень легитимности у него был ниже, чем у Съездов советов. Тем не менее, эта Конституция была принята. Это была Конституция, в которой был закреплен режим парламентской республики.

Но процесс конституционного законотворчества продолжался на пространствах Российской империи. Ведь существовало еще 37 антибольшевистских правительств и многие из них занимались...

В.П. Булдаков. Больше.

В.Б. Перхавко. Больше даже, вот Владимир Прохорович поправляет. На протяжении 1918–1922 гг. принимаются конституции: вначале временная, а потом постоянная Конституция Эстонии 1920 г., конституции Латвии, Грузии, Литвы и т.д.

Какие режимы предусматривали творцы, создатели этих конституций? Либо парламентские республики (конституции Грузии, Эстонии), либо президентские республики (конституции Литвы и Латвии).

Но самое главное ведь не просто принять конституцию демократическую, парламентской или президентской республики. Самое главное – это уровень правосознания населения и властей, от которого зависит, будет ли Конституция соблюдаться или нет. На самом деле, в той же самой Эстонии демократическая (казалось бы) Конституция не соблюдалась. Не соблюдались, например, статьи Конституции о неприкосновенности депутатов. Расстреливали без суда и следствия коммунистов. То же самое было и в Латвии, и в Литве.

Мне кажется, что нам сегодня нужно заниматься пропагандой конституционных идей и Конституции. И тут я хочу вспомнить

о деятельности большевиков. Да, их конституции (первая, вторая, третья) носили квазидемократический, квазисоветский характер, но, посмотрите, как умело они вели пропаганду. С 1918 г., с момента принятия той Конституции – плакаты, стихи... 1919 г. – памятник М.Д. Скобелеву свергают и устанавливают обелиск «Советской Конституции» на бывшей Скобелевской площади, который стоял, по-моему, до 1941 г. Возьмем Конституцию 1936 г. Только успели принять – в учебном плане уже в следующем 1937 г. появляется дисциплина (вы помните – кое-кто сдавал ее очевидно в школе, изучали ее сначала в 7 классе, а потом в 10 классе): «Конституция СССР». Была такая дисциплина. И я, будучи школьником и даже дошкольником, знал, что 5 декабря – это День Конституции. Это был выходной день, красный день календаря. Вот сегодня, если мы проведем опрос на Никольской улице и на Красной площади, то мало кто вам скажет, что 25 лет назад была принята современная Конституция. То есть власти не занимаются пропагандой этой Конституции. Мало того, что она не соблюдается, но она и не пропагандируется. У нас уровень правового сознания остался приблизительно такой же, как и в начале XX в. Конечно, с таким конституционным багажом трудно двигаться дальше по пути создания правового социального государства.

Завершая свое выступление, я хотел бы напомнить вот о каком документе. Помимо конституций демократических Грузии, Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, у нас ведь существовала Дальневосточная республика. 27 апреля 1921 г. Учредительное собрание – там его созвали (в Петрограде его разогнали, а там его созвали при содействии большевиков) приняло очень демократическую Конституцию, действовавшую, правда, только полтора года. Там гарантировалась частная собственность, там гарантировалось право на концессии, свобода личности, стачек и т.д. – все то, что здесь, в центре, преследовалось, запрещалось. Не знаю, в какой степени соблюдалась эта Конституция, но в ней, в отличие от Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 г. были отражены нормы НЭПа, новой экономической политики. Это единственный конституционный документ, который я знаю. А у нас тут НЭП приняли как курс, а где конституционное отражение

этого курса? Как приняли, так легко и свернули.

В.А. Дёмин. Что именно в Конституции 1924 г. было написано о НЭПе?

В.Б. Перхавко. 1924-го? Я там ничего не нашел. Нет, абсолютно. Только в Конституции ДВР. Там была частная собственность, концессии свободные можно было брать всем. Предпочтение отдавалось, правда, общественным организациям, но могли и все граждане. Демократические свободы, не сравнимые с Конституцией РСФСР 1918 г. и с Конституцией СССР 1924 г. Там, правда, власть не принадлежала Советам. Там было Народное собрание как парламент и областные собрания. Естественно, там была многопартийность, хотя ведущую роль играла партийная организация дальневосточная большевиков (и части Красной армии находились), но там же действовали и эсеры, и меньшевики.

С.Ю. Разин. Валерий Борисович, вот вы привели пример Дальневосточной республики... Я, конечно, не специалист по истории российского Дальнего Востока, но понятно, что Дальневосточная республика существовала тогда и до тех пор, пока ее существование допускалось большевиками. Как только большевики посчитали, что это феномен сыграл свою роль, история Дальневосточной республики закончилась. Так можно ли всерьез говорить о том, что ДВР была какой-то реальной альтернативой?

В.Б. Перхавко. Я думаю, да. Мне кажется, что если бы большевики не разогнали Учредительное собрание, то оно бы разработало Основной закон приблизительно в таком же духе, как и Конституция Дальневосточной республики. Мне так представляется. Я, конечно, могу ошибиться – я не пророк, но конституция, разработанная эсеровским большинством Учредительного собрания, мне кажется, могла бы напоминать конституцию ДВР. Это была одна из демократических альтернатив.

В.П. Булдаков. Валерий Борисович, понимаете какая штука, – Учредительное собрание было обречено на самом деле. Кадеты-то от него уже отвернулись.

В.Б. Перхавко. Это верно.

В.П. Булдаков. Уже отвернулись. Я уже не говорю о том, что гражданская война уже шла. Учредительное собрание наше недаром

одну из задач своих видело в прекращении гражданской войны в России. То есть тут альтернативы-то, к сожалению, никакой не было. Это надо признать.

В.Б. Перхавко. Но, извините, мне кажется, что вот мы рассматриваем октябрьские события как переворот... На самом деле разгон Учредительного собрания по значимости имеет не меньшее значение, чем вооруженный захват власти в Петрограде. Ведь это тоже, в общем-то, переворот политический – свержение законного органа, выбранного большинством населения.

В.П. Булдаков. Можно и так сказать, поскольку разгон Учредительного собрания сопровождался расстрелом демонстраций в поддержку Учредительного собрания в Петрограде и в Москве. Демонстрации были достаточно обширные, и убито было порядка трех десятков человек. Правда, я не считаю, что это была целенаправленная стрельба. Это, скорее, истеричная стрельба. Нервы не выдержали. В тогдашней обстановке это было более чем естественно.

Был ли это переворот? Можно считать что переворот. Понимаете, после большевистского переворота началась целая цепь всевозможных переворотов – гражданская война, фактически.

В.Б. Перхавко. Ну, Учредительное собрание – это более легитимный орган, чем Всероссийский съезд Советов. Не правда ли?

В.П. Булдаков. Безусловно. Надо сказать, что ВЦИК первого созыва, то есть эсеры и меньшевики, которые в нем преобладали, считали что Советы – это всего лишь «строительные леса» российской демократии. Здание будет выстроено – и «леса» эти можно будет отбросить за ненадобностью. Это факт...

Конечно, вне всякого сомнения, именно Учредительное собрание было не только легитимным... Кстати сказать, тут не надо забывать еще вот какую вещь... Сегодня мы уже говорили о том, что в свое время, в 1990-е гг., наши конституционалисты обложились конституциями иностранных держав. В 1917 г. было то же самое. Обложились всеми конституциями и давай писать, чтобы было лучше. Написали, между прочим. Формально это была самая совершенная по тем временам... Ну, во-первых, самый совершенный избирательный закон. Что касается конституции, то это оптимальный вариант был – президент-

ская республика. Никуда не денешься – все так было.

Но беда-то в другом... Самый совершенный закон, самая совершенная конституция – она заведомо не стала бы работать! Она просто была слишком сложна для понимания большинством населения. Даже образованные люди не вполне понимали, на чем основывается процедура голосования в Учредительное собрание. И поэтому добились того, что в самом Учредительном собрании в меньшинстве оказались самые европеизированные партии – кадеты и меньшевики. Они в меньшинстве – полностью проиграли. Это вполне символично. Понимаете, вот такая картина. На первый взгляд, парадоксальная, но на самом деле очень закономерная.

О чем я уже говорил сегодня – всякий законодательный акт должен опираться на мнение, на сознание и даже где-то, может быть, на историческое подсознание народа. То есть должен восприниматься каждый правовой акт как нечто свое. Наверное, нигде так не бывает до сих пор, но надо к этому стремиться.

В.Ю. Бельский. Мне кажется, что все-таки не на сознание и подсознание, а на потребности. Сам человек может не осознавать чего-то в данный момент времени. Для этого мы...

В.П. Булдаков. Вы понимаете, все, так или иначе, действуют на основании какого-то опыта, и в том числе исторического опыта. Другое дело, что этот исторический опыт понимается не вполне адекватно. Но, тем не менее, этот фактор надо учитывать. Надо учитывать не только разум, но, извините, даже и дурь. В этом состоит мудрость настоящего конституционализма. Ведь недаром я говорил, что англосаксонское право построено на исторических корнях... Корни его очень и очень глубоки, архаичны. Никуда от этого не денешься.

В.Ю. Бельский. Их конституционализм не отличается от американского и от английского... А мы-то пытались скрестить...

В.П. Булдаков. Мы пытаемся известно что... Мы то в одну сторону, то в другую... Один смотрит в одну, другой – в другую сторону.

В.Ю. Бельский. А что наша Конституция? Американская? Почему она дала такие возможности...

В.П. Булдаков. Понимаете, к тому же конституции, при всей своей наследственности, из какого-то революционного прецедента вы-

растают. Вот что интересно. Здесь важно еще и эти два момента учитывать.

В.Ю. Бельский. Они не сидят, а действуют, вносят поправки. Видят противоречие и сразу – раз-раз, и освобождают.

В.П. Булдаков. Ну, это прецедентное право, в конце-то концов – его можно корректировать. Оно само корректируется.

В.Ю. Бельский. А у нас либо ломать, либо...

В.П. Булдаков. Ну, тут, как говорится, без комментариев. С этим все ясно.

С.Ю. Разин. Сегодня уже неоднократно звучали термины «легитимность», «легитимизм», «легитимные органы»... Вы знаете, это вот по-западному понятие представление о легитимности и легитимизме – это такой жупел, который был выработан эпохой Просвещения. Этот жупел начал умирать уже в XIX в. Ну что, Николай I руководствовался этими представлениями о легитимизме. Чем это кончилось? Помог, исходя из этого, подавить революцию 1848 г. в Австрии. Потом Австрия вставила нож в спину Российской империи, и кончилось это Крымской войной и всеми последующими событиями.

А, скажите, пожалуйста: по принципу легитимности был развален Советский Союз? Или может быть, он был разрушен в соответствии с Конституцией СССР 1977 г.?

В.П. Булдаков. Да кто его развалил? Ну, сколько можно говорить о том, кто развалил Советский Союз и кто развалил Российскую империю? Да развалились они сами!..

С.Ю. Разин. Следующий момент. По поводу «легитимных» и «нелегитимных» органов: и кто какую роль играет? Скажите, пожалуйста: Политбюро ЦК КПСС в Конституции СССР помянуто хоть раз? А Администрация Президента, где сегодня сосредоточены все реальные рычаги и механизмы, помянута хоть раз в нашей современной Конституции?

В.Б. Перхавко. Она находится в помещении ЦК КПСС.

А.Б. Аверин. Большевики, когда к власти пришли, выступали как марксисты и действовали в соответствии с марксистской доктриной, по которой право как часть надстройки детерминируется экономикой, а в результате развития отмирало вместе с государством. Поэтому, конечно, Конституция для них не была приоритетом.

В.П. Булдаков. Конституционный закон

был.

А.Б. Аверин. Да, да. В общем-то, когда читаешь, то понимаешь, что что-то по делу написано, что нужно власти для решения первоочередных задач, а что не нужно, то и не написано.

С.Ю. Разин. Как вообще сочетаются революция и легитимность?

В.Ю. Бельский. «Революционная целесообразность»...

В.Б. Перхавко. Совершенно верно.

А.Б. Аверин. В Конституции 1918 г., об этом здесь уже говорили, слишком много пропаганды и декларативности, мало конкретики там, где она необходима. Конституция 1924 г. в этом смысле уже лучше. Видно, что зачастую образцом выступал иностранный опыт, американский, где-то немецкий.

А вот по настоящему полноценной советской конституцией выступает уже Конституция СССР 1936 г. К ней, действительно, не придерешься. Ее приятно читать. И тут, конечно, также был использован иностранный опыт.

А дальше Конституция наша, современная, 1993 г. Ну, потенциал-то у нее, конечно, демократический есть. Кому он только нужен – это другой вопрос?

Ее можно трактовать по-разному... Читаешь учебники... К какой ветви власти относится Президент Российской Федерации? Ни к какой! Он – «арбитр». Такого не бывает! По теории глава государства всегда относится к исполнительной власти. Если только это не абсолютная монархия. Президент в России является главой государства и исполнительной власти, а правительство носит больше «технический» характер. Любопытно, что нечто подобное было и в Российской империи после реформ 1905–1906 гг.

Но, все же, мы и должны трактовать нашу Конституцию «демократическим путем». Если хотим, конечно. Но надо помнить, что в кризисный период истории умеренный авторитаризм может спасти общество и государство, способствовать дальнейшему развитию демократии.

Что касается пересмотра Конституции, то я бы побоялся его предпринимать в нынешней ситуации. Я не против новой Конституции, и не против исправления старой, но в настоящее время лучше не ворошить муравейник. А вот как ее принимать, в каком

виде? Если внести в проект нового Основного закона популистские нормы, народ за это проголосует и примет любую Конституцию... К сожалению, подобный путь наиболее вероятный...

В.Б. Перхавко. Мне кажется, главное, чтобы сегодня хотя бы эта, «недемократичная», Конституция соблюдалась. Зачем принимать декларативные конституции? Любая конституция должна соблюдаться. Вот в чем все дело!

С.Ю. Разин. Да не живем мы по ней. Не живем по ней!

В.Б. Перхавко. “Sed lex, dura lex” – говорили древние латиняне. А мы не живем по ней, правильно.

В.Л. Шейнис. Уважаемые друзья! Давайте поставим такой вопрос... Историк, с моей точки зрения, не только имеет право, но и обязан исследовать несовершившиеся варианты.

Вот, представим себе такое дело... После Февральской революции чрезвычайно маловероятно было, что удержится какой-то многопартийный режим. Но вот, представьте себе, что Антанта выиграла войну не в 1918 г., а раньше. Что в России?

Монархия, скорее всего, или не удержалась бы, или должна была бы трансформировать Основные законы 1906 г. Вокруг чего шла бы борьба? Вокруг 87 статьи. Уверен, что это главный вопрос, который волновал тех, кто принимал решение о том, какая должна быть Конституция. То есть: «земля». Ведь поднималось новое сословие, которое было заинтересовано в том, чтобы частная собственность на землю была именно такой, какой она существовала в Европе. И адресовались бы эти люди (и, весьма вероятно, получили бы поддержку, может быть, большинства) не к представлениям крестьянина, а к представлениям вот этого относительно передового класса.

То есть, я хочу сказать, что развитие, в общем, шло в более или менее разумном направлении, и то, что произошло – произошло в значительной мере в результате стечения неблагоприятных обстоятельств. Я имею в виду победу большевиков.

В.А. Дёмин. Хотел бы поспорить с утверждением о том, что 87 статья вызывала наибольшее недовольство. Как Михаил Борисович [Аверин] сказал, по этой статье можно было издавать либо краткосрочные законы, либо законы, с которыми Государственная дума была согласна. С этой статьей был связан скандал 1911 г., но после этого она была скомпрометирована и до Первой мировой войны не применялась. Активное ее использование в годы Первой мировой войны было в общем оправдано. Тут основной спорный вопрос был другой – об ответственности правительства.

Как известно, кадеты были сторонниками ответственного правительства, а у октябристов, которые в III Думе господствовали, позиция была по этому вопросу противоречивой. Они были согласны с ответственным перед монархом правительством лишь при условии, что это правительство будет также активно сотрудничать с Думой и в известной степени ей подчиняться. Поэтому, когда после Столыпина правительство перестало сотрудничать с Думой, октябристы фактически перешли на позиции ответственного министерства. Поэтому основной спорный вопрос был именно вот этот – перед кем ответственно правительство...

**Подготовили к публикации (сост. и ред.):
В.Ю. Бельский, П.П. Марченя, С.Ю. Разин**

(Окончание следует)